

ВЕСТНИК

СТИНЫ

„Верно и всякого
принятия достойно
слово, что
Христос Иисус
пришел в мир
спасти
грешников...”
(1 Тим. 1, 15)

4

1990

ПРОБУЖДЕНИЕ

Э

*ЦАРСКИЙ ТРУБНЫЙ ЗВУК В СТАНЕ НАРОДА
БОЖЬЕГО* — Чис. 23, 21;

Т

*ГРОМКИЙ ВОПЛЬ О ГРЕХАХ, ЭТО НОВЫЙ
БОХИМ* — Суд. 2, 4–5;

О

*УДАЛЕНИЕ БРЕВНА ИЗ СОБСТВЕННОГО
ГЛАЗА И РАДОСТНОЕ ПРОЗРЕНИЕ* — Мтф. 7, 4;

*СОТРУДНИЧЕСТВО С ДУХОМ СВЯТЫМ, КО-
ТОРОМУ ОТДАНО ПЕРВЕНСТВО ВО ВСЕМ* —
Д. Ап. 15, 28;

*ЕДИНОДУШНАЯ, СОКРУШАЮЩАЯ ДИАВОЛА
МОЛИТВА ЦЕРКВИ* — Д. Ап. 12, 5;

*ДЕРЗНОВЕННАЯ ПРОПОВЕДЬ ЕВАНГЕЛИЯ
ПОГИБАЮЩИМ ГРЕШНИКАМ* — Д. Ап. 8, 4;

*НАПОЛНЕНИЕ ТРЕПЕТНОЙ СИЯЮЩЕЙ ЖИЗ-
НЬЮ БОЖЬЕЙ НЕКОГДА БЕЗДЫХАННЫХ
СКЕЛЕТОВ* — Иез. 37, 9;

*ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПЕРВОЙ ЛЮБВИ К ГОС-
ПОДУ* — Откр. 2, 5;

*СОЗИДАНИЕ ЦЕРКВИ «В МЕРУ ПОЛНОГО
ВОЗРАСТА ХРИСТОВА»* — Еф. 4, 13;

*ПИР ПРОБУЖДЕННОЙ ЦЕРКВИ С ПРО-
СЛАВЛЕННЫМ ГОСПОДОМ* — Откр. 3, 20.

*Благодать и истина
произошли чрез
Иисуса Христа.
Иоан. 1, 17*

**ВЕСТНИК
СТИНЫ**

**Духовно-
назидательный
журнал
Союза
церквей
евангельских
христиан-
баптистов**

■
**Издается
с 1963 года**

■
**Выходит
ежеквартально**

4 (112). 1990

СОДЕРЖАНИЕ

Старый и «новый» крест (Э. У. Тозер) 2

ДУХОВНО-НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

Испытаем пути наши 4
Пост радости (И. Я. Антонов) 10
Встреча у колодца (Е. К. Родославов) 12
Обман в царстве музыки (Базилия Шлинк) 16
Новая песнь 19

ИЗ ЖИЗНИ БРАТСТВА

«Слово Мое... не возвращается... тщетным» 20

ОНИ СТРЕМИЛИСЬ К НЕБЕСНОМУ

Скромный подвиг (о П. А. Серебренникове) 22

ХРИСТИАНСКАЯ СЕМЬЯ

Сейчас или никогда 38

На 3 стр. обл.

СТИХИ

Встреча с Иисусом
«Чего от жизни ждешь?»
«А жизнь — как рассказ короткий...»
«Огнями звезд сиял в ночи...»

СТАРЫЙ И «НОВЫЙ» КРЕСТ

Э. У. Тозер

Без всякого объявления, незамеченный большинством, вошел в современные христианские массы «новый» крест. Он похож на старый, но в то же время отличается от него; сходство между ними поверхностное, разница же — фундаментальная.

Из этого «нового» креста вытекает и «новая» философия христианской жизни, а из «новой» философии исходит «новая» евангельская практика — «новые» виды собраний и «новые» способы проповеди. Этот «новый» евангелизм употребляет тот же язык, что и старый, но содержание и акценты у него совсем другие.

Старый крест не хотел иметь ничего общего с миром. Для гордой Адамовой плоти он означал конец ее похждений. Он подводил ее под действие смертного приговора, вынесенного Синайским законом.

«Новый» крест, наоборот, не имеет ничего против человеческого рода; он протягивает ему дружественную руку, и даже пытается представить, что является источником целого океана хороших, чистых удовольствий и невинных наслаждений. Он позволяет Адаму жить без вмешательства в его жизнь. Его страсти остаются без изменения; он по-прежнему живет в свое удовольствие с той лишь разницей, что теперь он находит отраду не в скверных песенках и горьком пьянстве, а в пении хоров и просмотривании религиозных кинокартин. Акцент все равно остается на наслаждении, хотя развлечения у него теперь более высокого морального, а точнее, интеллектуального порядка.

«Новый» крест подразумевает также «новый» и совершенно иной подход к благовестию. Евангелист теперь не требует отвержения старой жизни прежде, чем можно будет получить новую. Он проповедует не контрасты, а сходство между миром и Евангелием. Он ищет ключи к общественным интересам, показывая, что христианство вовсе не несет с собой неприятных требований, наоборот, оно предлагает то же что и мир, только на более высоком уровне. Вместо открытого протеста против греховного безумия мира, следует «разумное» разъяснение, что Евангелие, в принципе, предлагает то

же самое, но только религиозная продукция лучше.

«Новый» крест не казнит грешника, он лишь дает ему другое направление. Он переводит грешника в более легкий и веселый образ жизни, сохраняя при этом его прежнее самоуважение. Тому, кто любит показать себя, он говорит: «Приди и покажи себя для Христа». Эгоисту посоветует: «Говори о своей духовности». Искателям приключений скажет: «Приди и изведай романтику христианской жизни». «Новый» крест, чтобы стать приемлемым для публики, идет в ногу с текущей модой.

Может быть, в философии «нового» креста есть искренность, но такая искренность не спасает его от фальши. Система взглядов «нового» креста фальшива, потому что слепа. Она совершенно искажает весь смысл креста.

Старый крест — это символ смерти. Он был предназначен для насильственного обрыва человеческой жизни. В Римские времена человек, взявший крест и отправившийся с ним в свой последний путь, уже попрощался со своими друзьями. Назад он больше не вернется.

Крест не идет ни на какой компромисс, ничего не отменяет, ничего не щадит. С благой целью он казнит всего человека без остатка. Он не пытается разговаривать со своей жертвой в хороших тонах. Он поражает безжалостно и тяжело, и, когда заканчивает свое дело, человека больше не существует.

Род Адамов находится под смертным приговором. Этот приговор нельзя отменить, его невозможно избежать. Бог не может улучшать плоды греховной плоти, хотя бы они казались невинными и прекрасными в глазах людей. Бог спасает человеческую личность, ликвидируя ее, а затем воскрешая для новой жизни.

Евангелизм, проводящий дружественные параллели между путями Божь-

ими и путями человеческими, лжив по отношению к Библии и жесток к душам его слушателей. Вера Христова не параллельна миру, она пересекает его. Приходя ко Христу, мы не поднимаем на высший уровень нашу старую жизнь, — мы оставляем ее у креста. Пшеничное зерно, упавши в землю, должно умереть.

Проповедники Евангелия не должны думать о себе, как о публичных уполномоченных, посланных для установления добropорядочных отношений между Христом и миром. Никто не должен пытаться сделать Христа приемлемым для большого бизнеса, прессы, спорта или современного образования. Проповедники Евангелия — не дипломаты, а пророки, и наша весть — не компромисс, но ультиматум.

Бог предлагает жизнь, но не улучшенную старую, а жизнь, вытекающую из смерти. Она всегда находится по ту сторону креста. Кто хочет ею обладать, должен пройти под жезлом. Он должен отвергнуть себя и согласиться со справедливостью вынесенного ему Божьего приговора.

Но что значит практически для приговоренного человека найти жизнь во Христе Иисусе? Как провести это богословие в жизнь? — Просто он должен покаяться и верить. Он должен отвергнуть свои грехи, а затем жить, отвергнув себя. Пусть он ничего не скрывает, ничего не защищает, ничего не извиняет. Пусть он не пытается искать условия соглашения с Богом и признает себя достойным смерти.

А потом с простым доверием пусть посмотрит на воскресшего Спасителя и от Него получит и жизнь, и возрождение, и спасение, и силу. Тот самый крест, на котором закончил земную жизнь Иисус, положил теперь конец грешнику, и сила, воскресившая из мертвых Христа, воскресит его для новой жизни во Христе.

Перевод с английского
В. П. ЗИНЧЕНКО

ИСПЫТАЕМ ПУТИ НАШИ

На пути искания святости, на который мы вступаем, нужно прежде всего разобраться в том, что мешало нашей святости раньше и что мешает теперь. Что какая-то помеха есть, — это для нас несомненно. Мы не то, чем хотели бы быть, и не то, чем должны были быть. Мы имеем горькое сознание того, что наш христианский опыт полон разочарований. Мы не имеем той святости, на которую надеялись при вступлении в союз со Христом. Что помешало нашему росту? Нам нужно это узнать.

Ищущего святости Бог прежде всего призывает к самоиспытанию. Он требует, чтобы оно было совершенно с полной искренностью и правдивостью. Нельзя скрывать уголки, в которых запрятано что-либо недозволенное. Нельзя извинять грех, называя его слабостью. Нельзя допустить вкрасться гордости от прежнего духовного успеха и помешать строгости нашего самоиспытания. Надо дать Господу обнаружить нам всю нашу скверну и со стыдом и горем каяться в раскрытом Им грехе. Выдавать себя не за то, что мы есть — это пагуба для святости.

Единственная наша надежда на усовершенствование: в полном и честном открытии нашего истинного положения пред Богом.

В ветхозаветные времена Пасхи, когда Бог посещал Свой народ особенным благословением, евреям было приказано: «очистите дома ваши от закваски», «ничего квасного да не будет в них». Это приказание тщательно исполнялось. Еврей знал, что в том доме, в котором останется закваска, благословения не будет. Это противно Богу, и Он не посетит этот дом. Поэтому ни одна комната не оставалась не выметенной, каждый уголок, куда могла бы попасть частица закваски, тщательно осматривался с зажженной свечой, и все, что находилось квасного, выбрасывалось вон. Даже после этого, из опасения, не осталось ли чего-то незамеченного, евреям имели текст, который назывался проклятием закваски и произносился перед Богом: «Я сделал все, что мог, чтоб удалить закваску; если она все-таки есть у меня в доме, я проклинаю ее и отказываюсь от нее всецело».

Как относились к закваске евреи, так нужно и нам. Если хо-

тим, чтобы Господь вошел в нашу жизнь с полной благословений, мы тщательно должны исследовать нашу жизнь, чтобы найти то, что может оскорбить Его, и Его же силой изгнать это. Но и тогда, когда это будет сделано, не утешайтесь, что ваша жизнь вполне чиста, но, сознавая свою греховность, которая может быть недостаточно вам видна, смиренно молитесь Богу и ожидайте очищения от Него. К этой работе самоиспытания приглашаю я вас теперь: «Испытаем пути наши и обратимся к Господу».

1. Начнем с сокрытой жизни нашей. Испытаем ее. Каждый из нас живет внутренней жизнью, которая видна и известна только одному Богу. Это — жизнь мыслей, которые никогда не находят выражений; мечтаний, которые никогда не осуществляются; решений, которые никогда не выполняются. Это — жизнь, о которой не подозревает никто из близких, жизнь, которую мы переживаем одни. И сколько в ней греха!

Когда Божественные лучи прольют свет на эти темные уголки, мы невольно вздрогнем. Смотрите, что он обнаружит: плохие мысли; неверные мысли о Боге; ропот на Его деяния; протест против Его воли; жалобы на то положение, в которое Он нас поставил. Мысли иной раз такие темные, что, выразись они в словах, это было бы страшным богохульством. Мысли эти никогда не сообщались другим, а слагались в тайниках души. Плохие мысли о людях, завистливые, недоброжелательные, лукавые, презрительные, такие, что вырази их словами, — это будут проклятия,

а дела — убийством. Только благодаря благодати Божьей в нас, они не выходят наружу. Плохие мечтания и желания. Их много можно найти в наших сердцах. Мечтания нечистые и недостойные, увы, часто гнездятся в нас, и мы их лелеем; мечтания, иной раз с поразительной ясностью выступающие в наших снах.

За этими мечтаниями поспешно следуют сильные и страстные желания, которые могли бы выразиться в безумных и нечистых поступках, если бы не было сдерживающего влияния Духа Божьего. Это две формы, в которых обнаруживается закваска греха в тайниках нашей жизни. Но Господь в описании нашего сердца говорит еще о других. Мы прочтем это с молитвой, чтобы при чтении этих слов сокрушились сердца наши перед Богом и вся наша гордость и самообольщение оставили бы нас. «Изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство» (Марк. 7, 21—22). Какие ужасные открытия делает святость Божья, когда она обращается на нас! В сокрытой жизни нашей есть закваска, есть грех, и это является препятствием в нашем стремлении к святости.

2. Теперь испытаем себя по отношению к нашему обычному чтению.

Чтение занимает большую часть нашего времени и оказывает большое влияние на нашу жизнь. Книги очень действуют на нас и иногда действуют нехо-

рошо. В книгах, которые мы читаем, часто можно найти тайную причину многих отступлений в нашей жизни. Вы, может быть, замечаете понижение в вашей духовной жизни? У вас меньше радости во Христе, чем было раньше; меньше усердия в служении Ему; меньше свободного полета и силы в молитве. Чем объяснить это? Вы читали скептические книги (книги, в которых проповедуется сомнение или неверие), в которых бесчестится имя Христово и Слово Божье, и неверие закралось в ваше сердце и удалило вас от живого Бога. Или вы читали обычную литературу, всякого рода книги, худые и хорошие, полезные и вредные, и они вытеснили Библию и назидательные книги из вашей жизни. Что же удивительного, если ваша духовная жизнь понизилась и ослабела?! Вы отравляли ваш ум и в то же время пренебрегли Божественным противоядием; вы питались соломой, не насыщающей алчущую душу, и отвергли небесную манну. Ныне, когда Господь говорит вам «испытайте пути ваши», откройте ваши книжные полки пред Господом и просите Его изгнать оттуда все, что Он не одобряет.

3. Третье, что требует тщательного испытания, это наша обычная еда, питье и одежда.

Может показаться странным, что, говоря о святости, мы касаемся этих предметов. Многие возмутятся упоминанием о них, но мы желаем, чтобы наше самоиспытание было тщательным. Господь давно уже предупреждал нас, что вопросы: «что нам есть? что пить? во что одеться?»

могут занять слишком большое место в наших сердцах. И, без сомнения, оно так и есть. Самооправдание в этом деле является в настоящее время одной из величайших помех для достижения личной святости. Как мы огорчаем Господа Иисуса, когда Он видит на столах Своих детей много бесполезных излишеств, а тысячи бедных, которых Он оставил в наследие Своей Церкви, чуть не погибают от голода! Как грустно, должно быть, Христу видеть, что христиане позволяют себе употреблять то, что приводит к гибели тысячи душ и тел и ведет к стольким преступлениям и несчастиям в нашей стране!

Что может подумать наш Спаситель, когда именующие себя Его последователями потакают своей гордости и тщеславию в своей манере одеваться и уподобляются в этом неверующему миру, вместо того, чтобы слушать сказавшего: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем». В этих обычных, но весьма важных делах, испытаем себя и свои пути и обратимся к Господу.

4. Теперь перейдем к испытанию нашей домашней жизни и посмотрим, каковы мы по отношению к нашей семье.

Христианство — это главным образом религия домашнего очага. В нашей домашней жизни мы можем найти, и многие найдут, причину прошедших неудач в деле стремления к святости. Часто в семейной жизни позволяют себе такие грехи, которых никогда бы не потерпели вне этой жизни. В нашей домашней жизни находится закваска, препятствующая

Божьему благословию. Может быть, она лежит в нашем характере, этом ужасном разрушителе мира в семье. Сколько вреда принесла одна эта форма греха! Сколько от нее было несчастий! Ссоры между мужем и женой, горячие, раздражительные слова, обвинения и взаимные упреки вылетали из уст тех, кто обещал пред Богом любить друг друга. Ссоры между братьями и сестрами, омрачающие семейную жизнь и нарушающие мир в доме. Или же себялюбие и необдуманность, ведущие к умножению скорби, без всякого намерения со стороны того, кто ее причиняет. Все это может казаться пустяками, но ничто не должно считаться мелочью, если оно может огорчить Бога. Не были ли мы часто виновны в этих мелочах? Не случилось ли нам раздражаться, поступать необдуманно и эгоистично в нашей домашней жизни? Не мудро ли тогда, что наш христианский опыт весьма неудовлетворителен. Если мы тут были неправы, будем искать благодати, восстанавливающей нас, потому что и эти мелочи имеют большое жизненное значение. Как они ни малы, а все же это мухи в благовонной масти, портящие ее аромат, следы закваски в доме, мешающие Спасителю войти в него.

5. Как мы проверили пред Господом нашу внутреннюю, домашнюю жизнь, так проверим и внешнюю. В ней найдется много помех к святости, и, быть может, именно в том, как мы поступали в обществе наших друзей, окажется причина несовершенства нашей христианской жизни. Мир почти так же про-

тивится Христу теперь, как противился во времена составления Библии. И теперь остается верным, что дружба с греховным миром есть вражда против Бога. Все общество целиком вполне мирское; дух мирской владычества в нем. И потому в нашей общественной жизни, где мы часто руководствуемся общим мнением, может оказаться много неугодного Христу. Христос учит людей презирать богатство, а мир поклоняется ему. Христос говорит: «Отложив всякую ложь, говорите истину друг другу», а мир учит нас скрывать наши чувства и говорить вещи часто совершенно лживые. Христос повелевает нам не злословить во все; мир делает злословие главным предметом разговора.

Как должна огорчить Господа вся эта лживость и неискренность нашей внешней жизни! Что должен Он думать о нашей видимости любви по отношению к тем, которых мы ненавидим, о наших выражениях восхищения перед теми, которым мы, в сущности, завидуем, об оказании уважения тем, которых в душе презираем? Лицемерие, притворство и великий обман в нашей внешней жизни, конечно же, безмерно Его оскорбляют.

Будем молить Его открыть нам наш грех и в этой трудной сфере нашей жизни вести нас Своим путем.

6. Прежде чем мы окончим самоиспытание, обратимся еще к нашей служебной деятельности. Некоторые воспротивятся этому и скажут в своем сердце то, что другие говорят открыто — а именно, что вера человека

не имеет ничего общего с его деловой сферой. Но если вера не касается деловой жизни человека, то ее вовсе не стоит иметь.

В служебной деятельности многих, именующих себя христианами, лежит тайная причина их низкого духовного состояния и падений в христианской жизни. Многим, читающим эти строки, придется совершенно изменить свою служебную деятельность, если они ищут святости. Помехи тут могут быть разного рода. Может быть сам характер работы: она может быть противна Богу по существу и вредна для души, и если христианин осознал это, то должен оставить ее, чего бы это ему ни стоило. Затем, сама работа может быть и неплохой, но деньги, которые она приносит, могут занимать недолжное место в сердце. Каковы бы ни были наши грехи в общественной жизни, Господь нам их откроет, если мы смиренно будем просить Его об этом.

В свете Слова Божьего мы провозгласили себя и какие ужасные открытия сделали, сколько зла, какую пропасть греха открыли в себе! В нашей внутренней жизни — небрежность в молитве, неверие, непослушание, нечистые мысли, пустые мечтания, недобрые желания; в семейной жизни — раздражительность, себялюбие, невоздержанность; в общественной жизни — лицемерие, зависть, неискренность, пересуживание; в деловой жизни — стремление к богатству, обман, скупость, жестокость. И в глубине всего этого — сердце, исполненное всякого зла, «лукавое более всего и крайне испорченное». Не мудрено, что

мы падали, если терпели столько зла в своем сердце. О, как должно смирить нас открытие всего этого зла! Как должно заставить взывать: «Боже, будь милостив к нам, грешным!»

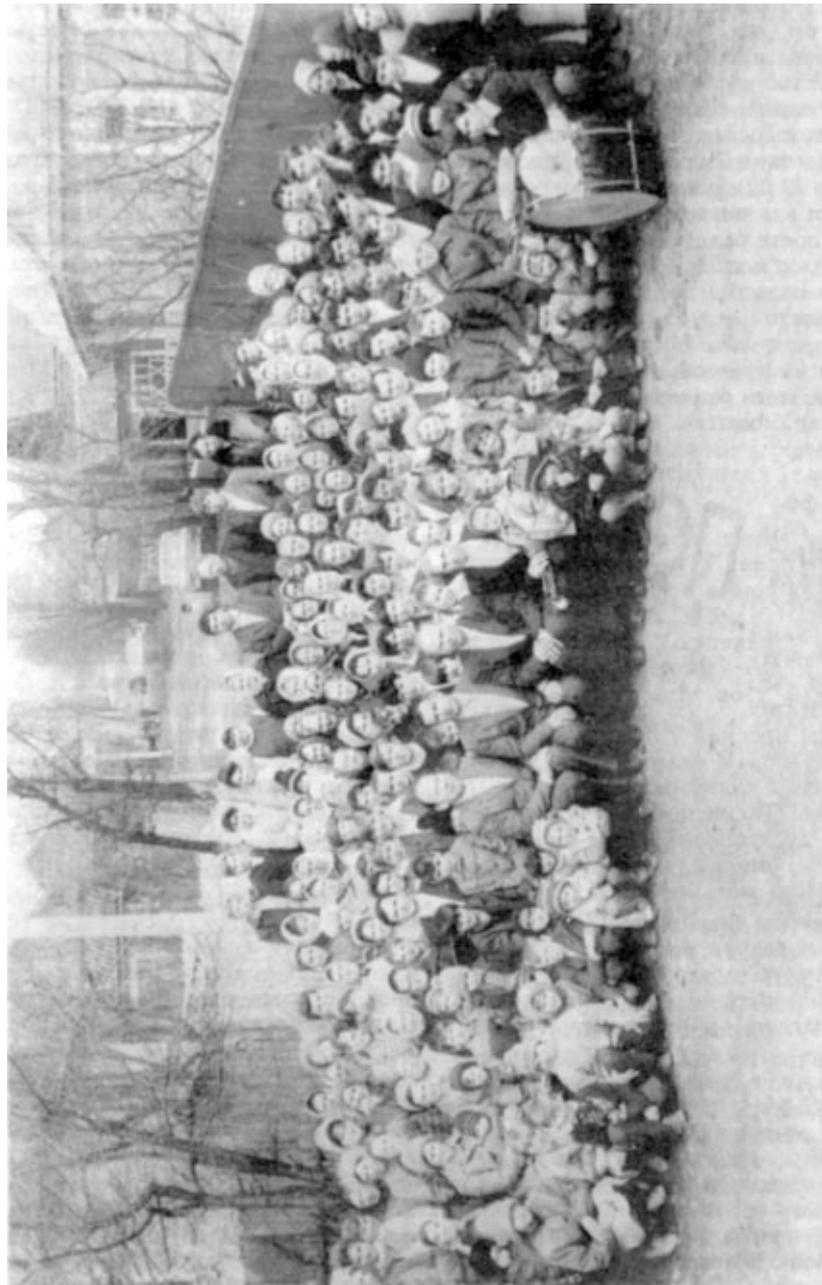
«Но что же делать с грехом?» — спросите вы. Прежде всего, сознайтесь в нем. Не старайтесь его скрыть. Не придумывайте извинений для него. Честно откройте его перед Богом. Затем отвергните его, изгоните прочь, удалите от себя. «Но этого-то я и не могу сделать», — скажете вы. Вы дошли до этого сознания? Ну, и слава Богу; если вы сознаете свое полное бессилие в деле самоочищения, то это уже первый шаг к освобождению. Сознавая свою вину и свое бессилие, принесите ваши грехи Господу Иисусу Христу. Предайтесь Ему вполне. Скажите:

К Тебе несу я все грехи,
Исчислить их нет сил,
Омой их Сам в Своей Крови,
Которую за нас Ты лил.

Когда вы с этой молитвой преклоните колени, то услышите милостивые слова Господа: «Окроплю вас чистой водою, — и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас» (Иез. 36, 25).

Невозможное вам — возможно Богу. И Он совершит это теперь же, если вы предадитесь Ему вполне. Если вы отдадитесь в Его руки, то Он, открывший сокрытый грех Своим святым светом, обратит на вас руку Свою, и как в щелочи очистит с вас примесь, и отделит от вас все свинцовое (Ис. 1, 25).

Из журнала «Христианин»

Бежицкая община СЦ ЕХБ (г. Брянск).

Из Священного Писания мы знаем, что народ Израильский, оказавшись в стесненных обстоятельствах или под непомерно тяготевшим бременем греха, обращался к Господу с молитвой в посте и вретике (Ездр. 8, 21—23; Неем. 1, 4; 2 Цар. 12, 22). Но в книге пророка Захарии мы читаем о необычном посте — посте радости: «Так говорит Господь... пост четвертого месяца и пост пятого... седьмого... десятого соделается для дома Иудина радостью и веселым торжеством...» (8, 19).

Когда арестовывали служителей нашего братства, отнимали молитвенные дома, штрафывали верующих, отбирали литературу и судили печатников, мы тоже постились и просили у Бога защиты. Мы нуждались в силе Божьей, чтобы устоять в гонениях, не отступить от истины. Такие посты не прекращались десятки лет, и мы правильно делали, смиряя души свои перед Тем, Кто мог вступить за нас.

Сегодня Бог силой Своей совершил победу, и мы благодарны Ему за эту милость. Теперь пост наш должен быть »е в слезах и вздохах, а в радости и веселии, с торжеством!

Лично я могу засвидетельствовать, что в узаконенной совершенную, Божью, и особенно в те моменты, когда было очень тяжело физически. Я знал, что дети Божьи постоянно молятся обо мне, и многие — с постом. Начальство и заключенные удивлялись: «Чему ты можешь радоваться в таких обстоятельствах? Как у тебя хватает еще

духу петь?!» Я же радовался, вспоминая слова Христа: «Блаженны изгнанные за правду... Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах...» (Мтф. 5: 10, 12).

В дни печали и сетования Бог слышал наши молитвы, когда сердце наше было чисто и дух прав. В дни поста радости и благодарения условия остаются теми же: «Когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ва-

ши...» (Мрк. 11, 25). Кто не прощает ближнему, молитва того останется без ответа. Проверим себя: все и всем

ли мы простили? Прощать незнающим Бога — легче, но друзьям по вере, которые иногда нас больно ранят,— труднее. «Он же христианин, почему он так поступает?» — оправдываются некоторые и живут во вражде.

Христос простил нам все грехи и не вспоминает их, хотя мы, порой, не сознаем чего это Ему стоило. Таить в сердце обиду — разве это прощение?! Помните: несчастный тот, кто обижает, а не тот, кого обидели. Бог не может благословить обидчика и заповедал обиженным молиться за обижающих (Мтф. 5, 44). От наших искренних молитв зависит их судьба. Если мы не в состоянии простить, то не сможем молиться, и они погибнут. Всепрощением и молитвой будем приобретать братьев для вечной жизни.

Страдания Иова были тяжкими, но, пожалуй, самую страшную боль ему причинили друзья, которые обвиняли его в несуществующих гре-

хах. Сам Бог отметил праведность Иова (1, 8). Стоит прочесть 31-ю главу его книги, чтобы увидеть, на какой духовной высоте жил этот праведник. Иов не понимал, почему Бог допустил такие страдания. Когда же ему явился Господь, сознание его прояснилось и он сказал: «Знаю, что Ты все можешь и что намерение Твое не может быть остановлено». И потом сокрушенно добавил: «Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле».

После раскаяния Иова Бог сказал его друзьям: «...раб Мой Иов помолится за вас, ибо только лицо его Я приму...» (Иов. 42, 8). Разве Бог не мог простить их без молитвы Иова? Но Бог и в этом испытал раба Своего: от сердца ли простил он друзьям и может ли искренне помолиться за своих обидчиков. Только после ходатайственной молитвы Иова на него самого излились обильные Божьи благословения.

Тяжело прощают ближним те, которые не видят своих недостатков. До тех пор, пока мы сравниваем себя с кем-то, мы возвышаемся, не зная подлинной цены самим себе. Но стоит нам только встретиться с Богом, мы, как Иов, раскаемся в прахе и пепле и скажем: «Горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами...» (Ис. 6, 5).

Скажу о себе (и не потому, что я хороший, но потому, что народ Божий много молился обо мне): у меня ни на мгновение не было в сердце неприязни к гонителям, хотя были минуты, когда, казалось, весь ад поднялся. Начальник лагеря говорил: «Ты государственный преступник!» Замполит грозил: «Если бы мне дали право, я собственноручно тебя расстрелял!» Начальник по режиму кричал: «Мы тебя пальцем не тронем, но истребим в карцерах и ПКТ!» Слушая эти угрозы, я в душе молился, чтобы

Бог простил им. Начальник почувствовал это:

— Ты еще молишься?!

— Да, молюсь. У меня нет ни капельки обиды на вас,— ответил я спокойно, вспомнив, как Христос в первосвященнической молитве просил: «Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла...» (Иоан. 17, 15).

От какого зла? Чтобы Апостолов не гнали? — На них обрушивалось море ненависти, их всюду преследовали. Только один Иоанн умер своей смертью, а остальные были замучены. Не от злобы мира сего хочет освободить и нас с вами Христос. Наоборот, чем ближе мы к Богу, тем сильнее будет ополчаться на нас этот мир.

Христос молился, чтобы мы не мстили за себя. Когда сердца наши будут преисполнены всепрощением, с нами будет Бог! Он будет действовать через нас. Успешными будут наши дела и свидетельством, и Богу приятен будет наш пост радости. Освободим сердце от обиды, и мы убедимся, как много благословений пошлет нам Господь. Простим обижающим прежде, чем они попросят прощения, и только тогда мы будем побеждающими. Только тогда на деле мы проявим любовь Христову. Да откроется нам глубина ходатайственной молитвы первому ученика Стефана: «Господи! не вмени им греха сего...» (Д. Ап. 7, 60).

Друзья мои! Пост радости и торжества — великое служение. Нельзя приступать к этой благодарственной жертве, имея обиду или какую-нибудь нечистоту в сердце. Веселье и радость приличны правым. Если сердце наше неспособно снизойти к ближним и мы зыскиваем с них, ожидая, когда они попросят у нас прощения,— напрасно приходите к жертвеннику Господнему со словословием и хвалой.

ПОСТ РАДОСТИ

И. Я. АНТОНОВ

ВСТРЕЧА У КОЛОДЦА

Евангелист Иоанн с подробностями очевидца передает встречу Иисуса Христа с Самарянкой (Иоан. 4, 5—30).

Ученики отлучились в город купить пищи, а Христос, утрудившись от пути, сел у колодца. Он хотел есть, хотел пить и очень устал. Если бы в тот момент мы взглянули на Него со стороны, то по утомленному виду никогда бы не узнали в Нем могущественного Повелителя, Который укрощал бурю, воскрешал мертвых, творил чудеса.

Солнце было в зените, когда к колодцу подошла женщина. В Палестине женщины ходят за водой обычно группами и в определенный час. По пути они обмениваются новостями, узнают все о всех. Но эта пришла явно в неурочный час — в самый сильный зной. И одна. Что же заставило ее сторониться женского общества? — Дело в том, что жизнь ее была далеко не благочестивой, и жаркий полдень был единственной возможностью не попасть под укоризненные взгляды. А тут вдруг у колодца сидит Незнакомец...

Восточные женщины, как известно, избегают встреч с мужчинами даже взглядом. Но Самарянка привыкла к знакомствам и на просьбу Христа: «дай Мне пить» не промолчала, смущенно отведя взор.

— Как Ты, будучи Иудей, просишь пить у меня, Самарянки? — удивилась она, подчеркивая свою приверженность древним традициям.

Христос рассеял ложное представление женщины о набожности:

— Если бы ты знала дар Божий и кто говорит тебе: «дай Мне пить»,

то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую.

«Живая вода»?! — такого она еще в жизни не слыхала.

— Господин! Тебе и почерпнуть нечем, а колодезь глубок. Откуда же у Тебя вода живая?

— Всякий, пьющий воду сию, возрадет опять; а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек.

Этот ответ еще больше озадачил женщину, и она, совершенно не понимая о чем идет речь, все же пожелала получить какую-то необычную воду, чтобы, однажды напившись, не ходить больше к колодцу.

— Господин! дай мне такой воды... Чтобы как-то оторвать Самарянку от поверхностных суждений и открыть ее ум к духовному восприятию, Христос неожиданно изменил тему разговора:

— Пойди, позови мужа твоего и приходи сюда.

Другими словами: женщина, если ты хочешь напиться живой воды Евангелия, открой свое сердце и расскажи, кто ты есть на самом деле.

Самарянка, конечно, могла солгать незнакомому человеку о своей личной жизни, могла уйти от ответа — и бесполезно было бы касаться тайн ее души. Но:

— У меня нет мужа.

И этой откровенностью как бы прервала тягостный для нее разговор.

— Правду ты сказала... ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе,— ответил ей Христос.

Впервые в жизни встретившись с проницательным взором Спасите-

ля, Самарянка содрогнулась. Слова Христа пронзили ее в самое сердце: Он знал о ней всю правду! И как хорошо, что она ничего не утаила!

— Господи! вижу, что Ты пророк! — сказала женщина, как бы восторженно от кошмарных воспоминаний. И, заметьте, теперь уже не Христос, а она перевела разговор на другую тему:

— Отцы наши поклонялись на этой горе, а вы считаете, что поклоняться нужно в Иерусалиме...

Бедная женщина! Разве ее греховную жизнь можно назвать поклонением живому Богу?! Это, скорее, полное пренебрежение Господом!

— Поверь Мне,— пояснил ей Христос,— вы не знаете чему кланяетесь... Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине.

— Знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все.

Воистину дело закона написано в сердце каждого человека, «...о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую...» (Рим. 2, 15). Все люди, без исключения, имеют представление о Боге. В этом нетрудно убедиться: человек, никогда не державший в руках Евангелие, и тот тревожится о «конце света» и знает, что будет «страшный суд». Но только жаждущей, сознающей свою греховность душе величественно и спасающе открывается Христос: «Это Я, Который говорю с тобой!»

Из беседы Христа с Самарянкой благовестники всех веков и поколений извлекали много полезных уроков. И суть их не в том только, что, отправляясь на поиск заблудших, нужно, по примеру Христа, и в зной и в стужу преодолевать не одну версту. А в том, чтобы идти туда, куда влечет Дух Свя-

той. Вельможа Кандакии уехал бы в языческую Африку, так и не уразумев, что читал, если бы Филипп, который должен был его наставить, не повиновался Духу Святому (Д. Ап. 8, 26). Идти же в полдень на пустынную дорогу, когда все люди, укрывшись в тени, пережидают жару, могло показаться делом лишенным всякого смысла. Но Дух Святой знал, где пролегла тропа одинокого Ефиоплянина, сердце которого было готово для восприятия истины. И когда в распоряжении Господа есть такие послушные благовестники, как Филипп, то дело евангелизации будет успешно продвигаться с одного континента на другой.

История обращения Самарянки открывает благовестникам еще одну важную истину: не всегда и не всем с проповедью о покаянии нужно идти в город, как это было, например, с пророком Ионой. Повинуясь Духу Святому, важно заинтересовать истину даже одну душу: «Если бы ты знала дар Божий...», то есть Господа Иисуса Христа,— и будет спасен целый город! Одна обращенная душа созовет иногда на евангелизационное собрание всю округу, как это сделала Самарянка.

Серьезно озабоченных приобретением душ для Христа это поствозвание научит также глубже понимать незнающих Господа, которые и в наши дни поддерживают свою духовную жизнь, черпая воду наслаждений из глубоких, как им кажется, «колодцев»: читают книги, просматривают сотни фильмов, приобщаются к лучшим традициям, изучают философию. Но все это — разбитые водоемы, в которых нет ни капли утоляющей жажду влаги. Вся эта «вода» развлечений и зрелищ никогда не принесет пользы и не изменит греховной сущности

человеческой души (Иер. 2, 13).

Самарянка не могла поверить Христу, что Он может дать ей лучшую воду. «Колодезь глубок!» — возразила она, а вслед за ней возражают тысячи грешников и, глядя на простоту верующих, с пренебрежением говорят: «А вам и почерпнуть нечем... Что вы знаете? Откуда у вас живая вода?!»

Вода живая — это не что иное, как Слово Самого Бога. Двадцать веков оно возвещается в мире и не нуждается в исторической правке. Никому из проповедников еще не приходилось извиняться, что, свидетельствуя о спасении во Христе, он преувеличивал и выдавал желаемое за действительное. Слово Господне вечно и спасающее! Две тысячи лет люди, приходя ко Христу с сокрушенным сердцем, обретают мир душе и радость вечного спасения! Будем же, не смущаясь, нести эту живую воду навстречу жаждущим (Ис. 21, 14).

Но заинтересовать людей Евангелием — это еще не все. Многие сегодня умиляются мелодичным колокольным звоном, тщательно соблюдают обряды, а живут в прежних грехах!

Самарянка не хуже священнослужителя знала древние традиции, но это не мешало ей менять мужей. Она не понимала, кажется, ни одного слова, сказанного Христом. Она все воспринимала буквально до тех пор, пока Христос не вскрыл порочность ее личной жизни. Вода живая текла из уст Спасителя, а она не разумела духовных истин, потому что прежде всего ей нужно было прийти к сознанию своей греховности. Человека, не осознающего безнадежность своего положения невозможно спасти.

Сегодня Христос призывает Своих благовестников возвещать Еван-

гелие в силе Духа Святого, Который, в первую очередь, обличает мир о грехе: «Пойди, позови мужа твоего...» Другими словами: открой Богу твою личную жизнь. Проверь, верный ли ты супруг и отец? Тот, кто считает, что Христос не должен касаться личной жизни, серьезно заблуждается. Вполне понятно, что такой разговор — не из приятных, но если грешник не готов, как Самарянка, сказать всю правду о себе, он не услышит: «Это Я, Который говорю с тобою...» и не получит спасения.

Трудно человеку говорить о своем банкротстве. И Самарянка, как мы знаем, сразу попыталась перейти к другой теме. Благовестникам очень часто будут встречаться люди, которые с удовольствием поспорят о религии, где и как кланяться Богу, какие соблюдать посты, какие почитать иконы, но никак не пожелают заглянуть в глубину своего испорченного сердца.

Но глашатаи истины Господней, по примеру Христа, не должны дать увлечь себя бесполезными рассуждениями. «Не знаете, чему кланяетесь», — вот конец всякой полемики. У благовестника есть великое поручение: «Идите, научите». Научите Кому и как должно поклоняться. Удерживая инициативу в своих руках, проповедники дерзновенно должны излагать Божественные истины о вере, о правде, о суде. И те, кто ищет примирения с Богом, найдут в Слове Господнем чистую струю живой воды, текущей в жизнь вечную. А для погибающих это же слово прозвучит во свидетельство. И великая радость для благовестника, если среди его слушателей найдется душа, которая, не осознавая еще до конца приблизившегося к ней счастья, скажет: «Дай мне этой воды...»

Е. К. РОДОСЛАВОВ

Поет хор Новосибирской общины СЦ ЕХБ.

В ЦАРСТВЕ
МУЗЫКИ

Базилия ШЛИНК

В наши дни молодежь сильно увлечена современной музыкой, такой как бит и рок, и лишь немногие знают, что она далеко не так хороша.

В Слове Божьем написано: «...исполняйте Духом, назидая самих себя псалмами и славословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу...» (Еф. 5, 18—19).

Музыка всегда вдохновляется духом, и очень важно какой дух является источником вдохновения. Саул, обеспокоенный злым духом, освобожден от него, когда Давид играл на арфе и пел песни, вдохновленные Духом Божиим (1 Цар. 16, 23). Из этого можно сделать вывод, что решающее значение все-таки имеют не слова песни, а именно дух музыки. Другими словами, если содержание песен — христианское, а мелодия вдохновлена иным духом, то такие песни не принесут духовного благословения, какими бы религиозными они ни казались.

В сфере музыки дьявол очень активен сегодня, и многие попали в его ловушку. Некоторые оправдываются, что в песнях, которые они поют, упоминается имя Христа, призываются к покаянию люди. «Если так, — рассуждают они, — то для привлечения молодежи в церковь можно использовать любую современную популярную музыку, даже бит и рок. По крайней мере, молодежь услышит о Христе!»

Сатана соблазняет людей пользо-

ваться религиозным текстом песен, но при условии, чтобы мелодия была вдохновлена его духом. Таким образом, он берет людей под свое влияние и они даже не сознают этого. И тогда не только религиозные тексты утрачивают свое значение, но и чувства, вызываемые музыкой у слушателей, особенно у молодежи, развращают их нравы. С помощью этой «чарующей» музыки дьявол приобретает все большую и большую силу и влияние на их жизнь. Все это ведет к разрушению в людях веры, нравственности, к потере личности и, в конце концов, ввергает человека в состояние полного упадка.

Очевидцы в различных местах наблюдали следующее: на многих молодежных собраниях свидетельство о Христе было ярким и живым. Сердца молодежи были открыты для принятия Христа, но как только заиграл джаз-оркестр, молодежь начинала притопывать и трястись. Джаз увлекал их. Все кончалось полным беспорядком: посеянное семя Слова Божьего было растоптано ногами.

Студентка колледжа свидетельствует: «Когда я слышу такую музыку, во мне поднимаются чувства озлобленности, страсти, уныния и замешательства. Даже спустя некоторое время я бываю не способна здраво мыслить и делать свою работу должным образом».

Многие подтверждают, что подобная музыка вызывает в душах людей явно непристойные чувства.

Один американец, член банды, рассказывал, что, собираясь совершить очередную кражу, они слушали какую-нибудь «дикую» рок-музыку. «Когда она взвинчивала нас, мы высказывали и грабили автомобили на стоянках. После часового слушания такой музыки не было ничего, что мы не могли бы украсть».

Христианский певец и гитарист Боб Ларсон поясняет: «Рок-н-ролл-музыка — больше, чем просто музыка. Это утонченная, морально-разрушительная сила... Своими звуками она косвенно ломает всякие нравственные барьеры в душе человека; она ошеломляет разум и вводит в состояние забвения и разнузданности. Звучание электрогитар, сопровождаемое нервным боем барабанов, срывает покрывало запретов. Но хуже всего, когда эта музыка становится религией. Исполнение рок и бит-музыки — антихристианское по своему содержанию и противоположно библейскому определению нравственности».

На происхождение этой музыки отчетливо указывает еженедельный немецкий журнал в статье, озаглавленной: «Транс-музыка — шаманы у экспериментатора». В ней пишется, что музыкантов, находящихся на кнопке музыкальных инструментов с большим диапазоном звуков, можно сравнить с шаманами, жрецами и чародеями древних религий при исполнении их обрядов. А их музыку не следует рассматривать как нечто, имеющее смысл, но это — род заклинаний, магической формула которых является ключом к подсознанию. Автор статьи называет эту музыку «музыкой последнего времени».

Один миссионер описал, как восприняли верующие дикари рок-музыку, которую привезли в их страну молодые христиане. «Зачем они вызывают злых духов такой музыкой?» — говорили новообращенные дикари. В этой музыке они увидели то же психическое побуждение, какое применяли раньше для установления контактов с темными демоническими силами.

Подобные мелодии слышат также алкоголики и наркоманы, чем еще раз подтверждается, что эта музыка происходит от нечистых и темных сил.

Некоторые композиторы откровенно признаются, что эти мелодии они получают после общения с сатаной. Они спрашивают у него такую музыку.

Нас волнует факт: до какой степени эта музыка из преисподней укоренилась в христианстве?

На первом фестивале «Священной поп-музыки», проходившем в течение трех дней в ноябре 1973 г. в церкви Св. Фомы в Дюссельдорфе, в Германии, который посетило свыше тысячи служителей, выдающийся регент, сам композитор, заявил, что наконец достигнут успех в деле внедрения музыки из низшего мира в церковь. Предсказывают, что «музыка с высот» скоро прекратит свое существование. Фестиваль закончился экуменическим служением, соединившим христианство и марксизм. В отчетах фестиваля сказано, что он закончился «в атмосфере музыки и ритма», т. е. в экстазе (исступлении), вдохновленном преисподней, который обычно приносит слушателю такая музыка.

Сегодня большинство язычников, обращающихся в христианство, сразу же после покаяния сжигают свои фетиши* и домашних богов. Они порывают связь с их старой религией и избегают празднования демонических религий. Но в нашем западном обществе не только существуют поклонники такой музыки, но и пишутся более возбуждающие, чувственные и оглушающие произведения. Чем более дикими они становятся, тем, кажется, большую популярность они приобретают.

Писание учит, чтобы учение Христа не смешивали с дьявольским. «Какое согласие между Христом и Велиаром?» (2 Кор. 6, 15). В большинстве случаев сатана является вдохновителем такой музыки, и он использует ее, чтобы бесчисленное множество молодежи стало его жертвами. Но несмотря на то, что дьявол употребляет всекие доводы в защиту этой музыки и некоторые направления ее используются в церкви в миссионерских целях, — истина

* Идол, неодушевленный предмет слепого поклонения.

остаётся ясной: следуя заповедям Бога, христиане должны отвергать такую музыку. Рок и бит — это агрессивная музыка, связанная с чувственным, плотским побуждением и даже волшебством! Да! — с самыми темными силами тьмы!

Слово Божье предупреждает нас, что одним из наиболее характерных признаков вавилонской блудницы является то, что она обманет все народы своим волшебством (Откр, 18, 23). Всякий, кто увлечется такой демонической музыкой, разделит ужасное осуждение, которое падет на вавилонскую блудницу.

Откровенно говоря, существует различная степень насыщенности современной популярной музыкой. Есть более мягкие ее проявления. Вариации, употребляемые в церкви, не несут в себе явного сатанинского отпечатка, но, тем не менее, представляют собой скрытую опасность, т. к. истоки их противоположны святому миру. Служители, открывающие двери своих церквей для такой плохой музыки, как бит и рок, должны знать, что такая музыка разлучит верующих со Христом и вызовет духовную смерть.

Бог дал другую музыку, чтобы воспевать истинную хвалу Иисусу и свидетельствовать о Нем: музыку, вдохновенную Святым Духом. До настоящего времени Он посылает новые мелодии через Дух Святой, мелодии дивные и несущие в себе только святое. Они исходят с небес, и, слыша их, мы наполняемся хвалой Богу. В таких мелодиях и песнях мы можем ощущать присутствие Бога. Такая музыка побуждает нас смиряться в Его святом присутствии.

Мы можем воспевать Иисуса как Агнца Божьего в мощных гимнах, сопровождающихся величественной, громкой, торжественной музыкой, которая приносит Ему честь, но она не имеет ничего общего с бит-музыкой. Когда мы поем о любви Христа, бит-музыка тем более не годится. В песнях о небесной славе и сиянии вечного мира должны отражаться: внутренняя радость, торжественность и святость неба. Песни раскаяния не могут быть переложены на громкую, дикую рок-музыку, которая

не может отразить состояние разбитой и сокрушенной души, принесшей свою скорбь и отчаяние Богу. Дух Божий влагает в песни ту силу, которая способна возрастить нашу веру и дать нам силы для борьбы с грехом и сатаной. Такие песни могут быть ритмичными, выражающими чувство радости и победы, что присуще воинам Христовым, но они должны нести отпечаток присутствия Духа Божьего.

Любая музыка оказывает на нас влияние того царства, откуда она исходит, и того царя, который там правит. Все духовные гимны имеют духовное происхождение, потому что они исходят от Бога, Иисуса Христа, Святого Духа и божественного мира. Они привлекают нас к Троиственному Богу, и Его святость, любовь и снисхождение становятся реальными для нас. Музыка, исходящая от Бога,— замечательный дар. Она вдохновляет людей любить своего Господа и Спасителя. Его любовь влечет нас идти по Его стопам, исполнять Его заповеди и не уклоняться от страданий и креста.

Музыка, вдохновенная преисподней, проникла на церковные помосты и даже в церковные святилища, богослужения, в религиозное образование. Христос стал объектом музыкальной сцены и фильмов. Снова можно услышать голос обманщика: «Разве Бог сказал, что Христа надо почитать, как учит Библия, без всяких чисто человеческих, наиболее современных оттенков? Разве человеческие чувства нельзя использовать для популяризации Христа или хотя бы для того, чтобы заставить людей начать говорить и думать о Нем? Возможно, это как раз и есть путь, который поможет заинтересовать людей нашего прогрессивного века в личности Иисуса Христа и, таким образом, снова откроет для них Библию».

Сатана пользуется затруднительными обстоятельствами: часто собрания верующих не привлекают неверующих, да и сами христиане порой впадают изнуренными и безрадостными. Сатана тогда внушает: «вы — старомодны» и предлагает верующим привлекательные современные постановки

о Христе. Искусно маскируя намерение высмеять Христа и Святого Духа, сатана подсовывает легкозапоминающиеся мелодии на серьезные библейские события и убеждает не чуждаться вольного их исполнения. Его хитрый план осуществляется так удачно, что верующие не всегда понимают, что в таких мелодиях высмеивается Сам Христос и Его слова о грехе, покаянии, суде и спасении.

Дьявол за счет публичного высмеивания и обещивания Сына Божьего, нашего Господа и Спасителя, преуспел в привлечении христиан на свою сторону. Это та цена, которую мы платим за «сердечное веселье», а позади всего этого стоит князь мира сего. Это он вдохновляет эти музыкальные произведения, и именно в этой области его обман встречает наибольший успех.

Комментируя эти произведения, светский еженедельный журнал в Западной Германии писал: «Много лет назад Сын Божий убедительно предупреждал нас о появлении лжепророков, которые придут в одежде овец: «...многие придут под именем Моим... и многих прельстят»; «по плодам их узнаете их» Мтф. 24,5; 7 16. Многие дети Божьи не увидят обмана и будут им увлечены. Итог будет плачевный.

Ко всем, кто сегодня обманут, звучит призыв: «Покайтесь! Осознайте над Кем вы смеетесь! Это — Иисус, отдавший Свою жизнь для нашего спасения! Это Он воскрес в великой силе и воссядет по правую сторону величия Бога! Он — Судья живых и мертвых! На закате века, когда грех достигнет высшей степени, Он придет опять!»

В наше время, когда Христос так унижен и покрыт позором и насмешками, христиане призваны жить и прославлять Его имя все больше и больше как Господа господ, как Сына Божьего, наделенного царским званием, как победного Агнца Божьего. Из Откровения Иоанна богослова мы видим, что только такое прославление должно возноситься Ему от земли. Только эту смиренную и благоговейную песнь любви и сердечной благодарности Бог желает слышать от нас, ожидающих Его скорого явления.

НОВАЯ ПЕСНЯ

И поют новую песнь, говоря: достоин Ты взять книгу «снять с нее печати»; ибо Ты был заклан, и кровию Своею искупил нас Богу из всякого калека и языка, народа и племени. Откр. 5, 9

Господу угодно пение Его искупленных! Почти все значительнейшие события в жизни верующих всегда сопровождались торжественной песнью. Господь даровал им и Давида «сладкогласного певца Израиля», и целую книгу словословия и хвалы в Священном Писании, которую мы знаем, как собрание псалмов, или Псалтырь. Дана эта книга нам для утешения и для ободрения наших сердец. Возрождая и спасая во Христе грешников, Бог открывает в сердцах их глубокую внутреннюю потребность постоянно назидать себя псалмами, словословиями и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах своих Господу (Еф. 5,19).

Истинно уверовавшим во Христа дано новое и живое отношение к Богу и ко всем другим верующим, а также свободный доступ к Престолу благодати в Духе Святом. В качестве «святых Божьих», как Священное Писание называет всех искупленных детей Божьих« для них открыт новый путь жизни и новое служение; а в качестве «странников и пришельцев», чуждых этому миру,— живое упование на уготованное Господом вечное место в небесных обителях. Легко понять, почему для верующих сердечное и радостное пение Господу и воспевание Его имени является счастливой и блаженной необходимостью! Священное Писание говорит, что когда Христос придет опять, чтобы восцарствовать вовеки, Он откроет «вечную праведность», и все Небо воспет Ему тогда новую песнь! Тогда всякое колело преклонится пред Христом! Аллилуйя! — Да будет жизнь наша и теперь уже наполнена словословием и пением, приготавливающими вас к грядущему воспеанию Господа на небесах!

«...СЛОВО МОЕ... НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ КО МНЕ ТЩЕТНЫМ»

Ис. 55, 11

Молодежь Харьковского объединения съехалась 1 мая в г. Мерепу, чтобы провести служение под открытым небом. На одном берегу реки расположились верующие, на другом — слушатели. "Как этот мост соединяет два берега реки, так Иисус Христос примиряет грешника с Богом, когда он приходит к Нему с покаянием. Он зовет сегодня всех воспользоваться этой благословенной возможностью. Кто жаждет примириться с Богом, пройдите по мосту, чтобы нам помолиться с вами..."

Побуждаемые Духом Святым и обличаемые совестью люди торопились пройти на противоположный берег к месту молитвы. Земля и небеса радовались в тот день, потому что 80 человек обратилось к Господу с покаянием.

«...БЛАГОВЕСТВУЙТЕ ИЗО ДНЯ В ДЕНЬ СПАСЕНИЕ ЕГО»

1 Пар. 16, 23

Вдохновленные Словом Господа братья и сестры Криво-рожской общины СЦ ЕХБ почти каждое воскресенье выходят в город с проповедью о Христе. Этому свидетельству как-то пытался помешать сотрудник милиции, но увлеченная толпа слушателей оттеснила его. В одном из микрорайонов христианский духовой оркестр собрал множество народа. "Кто желает примириться с Богом? Сегодня каждый может прийти к Нему и просить прощения во имя Иисуса Христа, и Он простит грехи ваши..." Жаждающие освобождения от бремени грехов, не смущаясь, каялись. В прошлом году из этой церкви несколько семей уехало на жительство за рубеж. Церковь скорбела, но Господь благословил Своих детей, когда они стали открыто благовествовать о Христе распятом. За год покаялось около 30 человек.

Жадно внимают словам спасительной истины впервые пришедшие на богослужбное собрание.

г. Белгород
РСФСР

Как в дни Христа, отовсюду сбегался народ, чтобы услышать о Спасителе, возвещаемом христианской молодежью.

пос. г. т. Атаки
Молдавия

Проповедь на центральном рынке. Услышав слово о Христе, прощающем грехи, покаялось 6 душ.

г. Болград
УССР

Они стремились к небесному

Петр Александрович СЕРЕБРЕННИКОВ, пресвитер Ивановской церкви СЦ ЕХБ (Азербайджан), отошел к Господу 6 марта 1986 г.

Жизненный путь его, как и многих других последователей Христа, проходил по узкой тропе страданий от юности до последних дней. Но радость в Господе и глубокое упование на Него неизменно сопровождали его в житейских невзгодах и были очевидны для всех.

Незадолго до своей кончины по просьбе друзей он рассказал о пережитом. Надеемся, что это простое свидетельство одного из многих верных служителей Божьих принесет назидание и пользу любящим Господа и послужит к прославлению имени Иисуса Христа.

СКРОМНЫЙ ПОДВИГ

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Мои родители, по национальности русские, жили в очень красивой зоне Азербайджана — Ленкорани. В царское время, как выходцев из православия, их выслали в село Ивановку Бакинской губернии.

Отец мой, Серебренников Александр Григорьевич 1864 года рождения, был ремесленником-кустарем и очень много трудился, чтобы прокормить своих 11 детей. Он совершенно не заботился о духовном воспитании семьи, потому что обратился к Господу лишь в глубокой старости.

Живя в родительском доме, все дети вместе с отцом занимались плотницким, столярным, жестяным, обозным и другими ремеслами; впоследствии — земледелием и хлебопашеством.

Моя мать, Аграфена Федоровна, была ревностной, глубоко верующей, христианкой. На ее долю выпала вся забота о духовном воспитании детей. Под ее наблюдением все дети с ранних лет приучались к молитве. Вместе с ней каждый день мы становились на колени, и она вслух молилась о нас Господу, чтобы мы не остались неверующими. Она очень хотела, чтобы мы стали достоянием Бога здесь, на земле, и в вечности. По нашей вере и желанию богобоязненной матери в дальнейшем все дети — пять сыновей и шесть дочерей — стали верующими.

Родился я в 1905 году (в документах значится 1900 год). Окончил 3 класса сельской школы. С 9 до 13 лет пас овец.

С юности я стал ходить в дом Божий на молитвенные собрания верующих. Я любил наблюдать братское служение в церкви и внимательно слушал все собрание. Эти богослужения повлияли на мое сердце и углубили веру в Господа. Вскоре я обратился к Богу с покаянием перед лицом всей церкви и просил всех молиться о моей духовной жизни, чтобы мне исполнить волю Божью, всецело отдаться Ему и вместе с Христовой Церковью совершать служе-

ние. В 18 лет я принял водное крещение, которое преподал пресвитер Бакинской церкви Даниил Харлампович.

После крещения мне поручили совершать регентское служение. Этому немало способствовали моя любовь к пению с детства и сильный голос. Хоровое пение христианских гимнов для меня было большим наслаждением.

СВОЯ СЕМЬЯ

В 1924 году я сделал предложение верующей сестре, члену поместной церкви, Анастасии Михайловне Леонтьевой, 1907 года рождения. В это время в общину приехали братья-миссионеры. Они охотно совершили бракосочетание. Началась новая школа совместной христианской жизни, начались трудности и страдания за веру в Бога.

Жили мы сначала в родительском доме вместе с тремя младшими братьями. Кому-то нужно было отделиться. Жребий пал на меня. Мы приступили к самостоятельной жизни: взяли усадьбу, огородили, посадили деревья. Жили в большой бедности, но в дальнейшем Господь благословил. Семейной жизнью мы были очень довольны и благодарны Господу. Сначала в своем хозяйстве занимались огородничеством и кустарной работой, а потом только хлебопашеством. Первый год мы получили богатый урожай. Господь так обильно благословил наш посев, что собранное зерно даже некуда было ссыпать.

Но все земные блага не мешали нам единому устремляться к духовной жизни.

В условиях гонений на христиан, в годы скитаний, мы старались вместе воспитывать наших детей по Слову Божьему в христианском духе. Господь дал нам пятерых детей. Все они с юных лет стремились к Господу и стали членами церкви Христовой.

В Ивановской церкви кроме регентского служения мне доверили исполнять обязанности помощника пресвитера. Через короткое время, к всеобщему сожалению, пресвитер нашей церкви отошел в вечность, и я остался вместо него. Позднее меня рукоположили на пресвитерское

служение. В скором времени органы власти обратили на меня внимание.

ЛУЧШЕ СМЕРТЬ, ЧЕМ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Шел 1931 год. Однажды в ночное время меня вызвали в НКВД. Работник органов, усадив меня за стол, положил перед собой наган и маузер.

— Вы повинуетесь власти, когда вызывают? — спрашивает.

— Как же, подчиняемся.

— Поскольку вы подчиняетесь и являетесь по вызову, мы дадим тебе другую фамилию и, когда нам будет нужно, будем вызывать через сельсовет. Ты будешь приезжать в район. Мы как бы сотрудничать будем с тобой. Ты разбогатеешь, будешь ходить нарядно, есть сытно. Вместе с тем, будешь свободно проповедовать и никого не бояться. Если кто тронет тебя — защитим.

Вслушав, я прямо сказал:

— На такое сотрудничество не могу пойти, так как я верующий. В Слове Божьем написано: "Кесарево отдавайте кесарю, а Божие — Богу". Так что двум господам я служить не могу.

Начальник принял довольно суровый вид и стал угрожать:

— Я тебя сейчас же расстреляю! — С этими словами он взял в обе руки оружие и неистово заорал:

— Рас-стре-ляю! Сейчас же расстреляю!..

Но Господь исполнил меня смелостью и бесстрашием. Я был готов даже умереть и тут же говорю ему:

— Стреляйте. Я перед вами.

Видя мое бесстрашие, начальник сбавил ярость:

— Я тебя сошлю к белым медведям! Ты оттуда никогда не вернешься!

— Дело ваше, ссыпайте куда хотите.

После этого он резко изменил тон и приказал:

— Поедешь со мной в район...

В районе выставил против меня лжесвидетеля, который показал, что якобы я однажды, выходя из калитки дома, где

было богослужение, говорил верующим: "Не платите никакого налога: ни сеном, ни хлебом, ни мясом, ни молоком! Гоните их всех, иначе мы обнищаем и погибнем..." Лжесвидетель при мне наговаривал следователю эти небывлицы, а тот быстрой рукой записывал. Лжесвидетеля отпустил, а мне говорит:

— Подпиши.

— А что подписывать?

— Вот, что он говорил.

— Нет, такое я не подписываю.

— Почему?

— Потому, что это ложь, клевета. Ложь я не подписываю.

— Как это ложь?

— Конечно, это чистая ложь, без примеси. Подписать не могу. На такое дело я не пойду и не запугивайте.

Следователь повел меня в НКВД. Там уже стал действовать хитро: посадил сначала в светлую, чистую камеру. В ней сидело 13 человек. Через некоторое время вызвал и стал снова предлагать сотрудничество. Я, как и прежде, не дал согласия. Перевели в одиночную камеру, где круглые сутки темно, пол цементный. Впотьмах измерил камеру: 7 шагов в длину и ширину.

Чтобы скоротать время, я прохаживался всю ночь. Лечь на пол не решался, потому что кругом цемент, а я в одной тужурочке. Так и жил: ни спать, ни сидеть и стоять утомился. 3—4 раза следователь вызывал на допросы в ночное время и все требовал согласиться на контакт с ним. Так он продержал меня в этой темной камере-одиночке девять суток.

К концу февраля 1932 г. стали готовить этап. Через родственницу жена узнала, что меня будут отправлять и снабдила, по возможности, питанием, одеждой, обувью, постелью.

Человек четырнадцать арестантов посадили в грузовую машину. Почти все были азербайджанцы, неверующие. Перед отправкой к машине подошел прокурор и строго наказал конвою: "Будьте бдительны! Особенно наблюдайте за Серебренниковым!"

Привезли на вокзал, посадили в по-

езд, отправили в Баку. Около 4-х месяцев, примерно до половины июня, пробыл я в центральной Бакинской тюрьме.

ЭТАП НА КРАСНОВОДСК

Во второй половине июня вызвали в контору и объявили: "Ты осужден заочно "тройкой" по статье 72-й на 3 года. Направляешься в Ташкентский лагерь. Жди этап..." Видимо, мое заключение было необходимо сотрудникам НКВД.

Человек 800 вывели во двор, построили, приказали присесть. Осужденные почти все были "беки" (богатые азербайджанцы). Верующий был один я.

В эту ночь нас повели темными улицами на берег Каспийского моря. Шли колоннами по пять человек в ряд. Через каждый ряд — конвой с одной и с другой стороны.

На берегу под строгой охраной погрузили на баржу и ночью же на буксире потянули в Красноводск, на другую сторону Каспийского моря. От духоты и качки в трюме баржи я сильно заболел, поднялась температура. От жары я не знал куда деться. Тяжко было, не хватало воздуха. Стал подниматься по лестнице наверх. Конвоир кричит: "Назад!" — "Нет,— говорю,— мне нужно немножко вдохнуть воздуха..." Он позволил. Я высунул голову и беспомощно опустил ее на палубу... Впереди над темным морем светлел горизонт. Занималась утренняя заря...

В Красноводске погрузили в красные "телячьи" вагоны. Набили столько людей, что можно было только скорчившись сидеть. Я попал к щели у двери, где немножко просачивался воздух. Во всем теле чувствовалась горячка. Прислонившись ртом к щели, я жадно глотал воздух. Очень хотелось пить, со вчерашнего дня нас не поили. Мне вздумалось дать денег конвоиру, чтобы купил газированной воды. Одного попросил — не обратил внимания, третьего, четвертого. Наконец один расположился, взял три рубля: "Хорошо, куплю!" И ушел. Приносит пару бутылок минеральной "Быдмалы". Я с радостью

возблагодарил Господа, открыл и хлебнул глоточек. Внутрь вошла словно целая река. Сразу же почувствовал в теле легкость. Хлебнул еще и еще, поправился, стал совсем здоровым.

ТАШКЕНТСКИЙ ЛАГЕРЬ

Отсюда состав тронулся к Ташкенту. Тихим ходом ехали девять суток. Прибыли в пересыльный пункт. Сгрузились. Приказали каждому к вещам повесить бирки, на которых указать номер личного дела,— вещи пойдут вслед за нами в штаб лагеря. К счастью, с собой я взял из вещевого мешка полхлеба и пиджак теплый.

Нас переправили на остров по реке Чирчик. Шли вброд. Сперва по колено в воде, а потом выше, выше, наконец, вплавь. Не все могли плавать. Схватившись за руки, под угрозой конвойных, кто как мог, вышли на остров. Одного унесло быстрым течением.

С острова на пароме нас привезли на другой берег. Оттуда пешком мы пришли в штаб лагерей, расположенный на окраине Ташкента. Там рассортировали по группам и определили для работ по осушению болотистых мест, заросших камышом. Эти площадки нужны были под распашку и посев хлебов. Это была страшно тяжелая ручная работа, но Господь взял меня отсюда и поставил работать по специальности. Потребовались кузнецы и жестянщики: пять человек вернули в штаб. Увидев кузню, подошел как к чему-то знакомому и родному. Старший кузнец спросил:

— Ты откуда? Таких у нас не было.

— Вызвали с камышей. По специальности я кузнец, жестянщик.

— Нам как раз нужны жестянщики и кузнецы.

И тут же доложил инспектору о моем прибытии. Тот побежал к начальнику.

Так мне разрешили остаться при кузне. Здесь я встретил молодого пятидесятника, и мы с ним стали работать. Как верующие, мы вели себя открыто. В кузне пели христианские гимны. У него и у меня голоса были сильные, хорошие. Наше пение раз-

давалось по всему штабу. В лагере тоже певчие были. Один из них говорит:

— Нам нужны люди в самодеятельность.

— В такую самодеятельность мы не пойдем. Такие пения мы петь не можем и не будем,— ответили мы.

— Почему?

— Мы поем только духовные песни.

— Ах, духовные? Это дело другое.

После этого разговора вечерами приходили в наш барак начальники и угрожали: "В скором будущем многие заключенные исправятся и выйдут на свободу, вы же будете грызть локти, а зубы коротки, останетесь здесь..."

Угрозы на нас не повлияли. Мы решили: пускай что хотят, то и делают, и продолжали петь.

"НЕ БУДУ СОХРАНЯТЬ СЕБЯ"

Через несколько месяцев, признав меня здоровым, решили отправить на тяжелые работы. Тогда строили канал — соединяли Балтийское море с Белым. Вот туда и направляли всех, у кого была первая категория здоровья.

Собрали заключенных из всех лагерей в одну группу. Наш инспектор побежал к начальнику, меня оставили в кузне. Когда проверяли по состоянию здоровья, инспектор говорит: "Мне уже неудобно, сходи сам. Тебя начальник обязательно оставит".

Думаю: поскольку уж я взят со двора, лишен семьи, хозяйства, попал в эту колею и нахожусь в лагере — не буду сохранять себя. Здесь есть и столовая, и пекарня, кормят не плохо, не буду держаться за это место. Раз вызывают — предамся Господу, пусть ведет меня, куда хочет. Ведь я в лагере при хороших условиях могу пережить свой срок, а потом не буду знать всей тяжести лагерной жизни. Пусть меня Господь Сам ведет. После всех переживаний, трудностей я буду знать, что такое лагерь.

Через некоторое время нас отправили прямо в Ташкент. В пересыльный пункт из всех лагерей собралось три с лишним тысячи человек. Из них 46 верующих.

Встретились братья по вере, никогда прежде не знавшие друг друга на воле! Собрались вместе, порадовались и поблагодарили Господа.

Всех разбили на бригады, готовили к отправке на "Беломорканал". Прошел месяц. Наконец слышим: "Утром отправка!" Все беспокойно засуетились. По-разному ожидала многотысячная толпа заключенных столь далекого и тяжелого этапа. Вдруг в барак приходит какой-то молодой человек и кричит:

— Серебренников! Серебренников!

— Я здесь! — с радостным чувством отозвался я.

— Как звать жену?

— Серебренникова Анастасия Михайловна.

— Дети есть?

— Двое.

— Как звать?

— Вера, Николай.

— На сколько осужден? Сколько отбыл?

— Год не кончил. Скажите, пожалуйста, кто это требует, кому нужно?

— Контора требует! — ответил незнакомец и быстро ушел.

Вечером, как обычно, режут хлеб на пачки, делят на бригаду. Подхожу и я получить свой паек.

— А тебе хлеба нет.

— Почему?

— Ты в этап не идешь.

— А где же я должен получить хлеб?

— Это уж мы не знаем!

Наутро скомандовали: "Строиться!" Вышли на посадку разом. Попрошался я с братьями и пошел в пустой барак. Тоскливо и как-то неуютно стало на сердце. Окинул взглядом опустевший без перегородак дощатый сарай: в одном конце около двери сидели два русских незнакомых человека, в другом — большой лежал. Лег и я на нары, размышляю о том, как быстро все меняется в жизни. Завечерело, время спать. Слышу, кто-то с русскими заговорил, те отвечают.

— Мы ездовые, работаем на фургонах, не можем оставить свою работу.

— Вот тебе раз! А где же найти рус-

ского человека в кочегарку?

— А вон русский лежит! — показываю на меня. Подходит. Впотьмах дернул за ногу: "Алё! Ну-ка встань! Русский?"

— Да.

— Сколько судимости?

— Три года.

— Сколько отбыл?

— Год не кончил.

— Хорошо! Вставай, собирай постель! Пошли в кочегарку.

В КОЧЕГАРКЕ

В кочегарке паровой котел надо держать на атмосферах. От него дается гудок, кипятится вода, отапливаются помещения. Котел надо ремонтировать и охранять. Через каждые 20 дней чистить. Для этого нужно спустить воду, открыть люки и удалить всю накипь.

Старший кочегар Сафронов был очень строг, суров и всегда имел нахмуренный вид, будто весь мир виноват перед ним.

— Ты откуда? — нехотя спросил он меня в первый день.

— Из лагерей. Отправляли на этап, а потом почему-то оставили.

— А ты кто будешь?

— Я баптист, верующий человек.

— За что попал?

— Как служитель церкви, за духовное дело.

— За ду-хо-овное! — с укором протянул Сафронов. — Ты какой категории по здоровью?

— Первой.

— Как же это? У нас взяли больного, по второй категории, увели на тяжелые работы на канал, а тебя по первой оставили?!

— Я не знаю, это не от меня зависит.

Хмурый Сафронов всегда старался промывать котел в мое дежурство, чтобы хоть чем-нибудь досадить мне, и не упускал случая чем-то ковырнуть, как верующего.

Однажды, когда я находился во дворе котельной, Сафронов отыскал где-то плакат "Война при царизме": войска идут на фронт. Попы с кадилами благословляют солдат идти на войну, убивать...

Сафронов, показывая на плакат, с воз-

мущением сказал: "Кого убивать? Невиновных людей? Вот вы, попы, за что вы убивали?"

Я выдержку сделал, вижу: уже хватит как-бы ему надо мной кощунствовать и говорю:

— Сафронов, ведь это не мы, баптисты, кадилами машем, а ваши православные кадилами машут, и ты — их брат, а не я.

Он увидел свою ошибку, понял что попал впросак и говорит:

— Ты можешь идти.

Довольный такой победой я ушел, а когда вернулся — этого плаката уже не было, но искушать меня он не перестал.

— Вот ты — жестянщик, а можешь ли работать?

— А как же?

— Сделай колесо.

— Пожалуйста, какого размера?

Взял кусок жести, от руки черкнул размер толщины трубы. Срезал, сшил половинки, откосы выровнял. Отогнул у одного конца на два загиба, у другого — на один, как по правилу требуется. Концы сложил, на ломике заправил, сшил. Все! Пожалуйста! — отдаю ему.

— Чистая работа, — говорит, — правильно сделано! Да, теперь я верю, что ты — жестянщик.

Он часто поддевал меня, а я его ни в чем старался не укорять, а только говорил ему о Христе.

Так и заканчивал я срок на одном месте — в пересыльном пункте города Ташкента.

Второй год заключения уже подходил к концу. Мне пришла такая мысль: вот, кончится этот срок, меня вызовут и скажут: "Твой срок кончился, получи документы и отправляйся домой. Будешь ли продолжать служение в церкви?" Мысленно отвечаю: а как же? конечно, буду, обязательно буду! Я служил Богу и буду служить. В этом нет никакого преступления. Про себя думаю: я не отрекись, пусть хоть еще срок дадут.

Вскормили вызвали в контору: "Освобождаешься по амнистии..."

Получил документы. Дали денег на

дорогу, и я вернулся домой в село Ивановку в 1933 году.

Наш молитвенный дом не был отнят, и братья снова меня поставили на служение.

Когда вставал на учет, меня предупреждали: "Смотри, по этой дорожке в тот дом не ходи, а то снова пойдешь туда, откуда пришел".

"Нет, — говорю, — эту дорожку я не оставлю. Как ходил, так и буду ходить. Это дело Господне, это Его воля".

СКИТАНИЯ В ГОРАХ АЗЕРБАЙДЖАНА

После уз я несколько лет нес служение пресвитера в поместной церкви. Наступал 1937 год. Вслед за угрозами начались преследования христиан. У нас отняли молитвенный дом. Повсюду шли массовые аресты. Начались суды над братьями. Ожидал скорого ареста и я. Пришел мой верующий брат Тимофей и говорит: "В азербайджанских колхозах, в горах, я договорился сделать работу по обзонай части. Собраний сейчас нет, все закрыли, пойдем поработаем..." Я согласился, и мы тут же отправились в путь.

В первом колхозе по договору нужно было сделать три пары тележных колес. У них был свой материал, своя кузня, мастерская и инструмент. Дней за пять мы закончили. Нам заплатили даже сверх цены. Только бы отправиться в другой колхоз, как приходит брат по вере из нашего села: "Твоя хозяйка попросила сообщить, что в наших селениях арестовывают всех служителей и тебя ищут, от нее требуют сказать: где муж? Имей размышление, возвращаться ли тебе домой или нет?" Тут я вспомнил виденные мной перед этим два предупредительных сна и понял, что Господь не хочет допустить меня под арест и побуждает тут же отправиться в путь. Мы вместе помолились и сразу же распрощались. Тимофей отправился для работы в следующий колхоз, а я пошел долиной плача: показаться никому нельзя — могут донести, меня искали. Куда идти — не знаю. Старался уйти в незнакомые места, подальше в горы.

Между тем, на работу к Тимофею вскоре явились работники НКВД и спрашивали:

— А где третий?

— Мы только двое. Спрашивали у хозяев:

— Здесь сколько человек работает?

— Двое.

Они ушли.

Скитаясь в одиночестве, я просил Господа: "Если Ты меня направил этой долиной, сохрани мою семью, чтобы дома все было благополучно..." Великие трудности переживал я в этих скитаниях. Днем задерживался в укрытиях, в лесах, ночью продолжал путь. Однажды шел зимней ночью, в святцы, в опасное от зверей время года. Дорога шла через перевалы, горы, степи, леса, болота, шел в туманы и в непогоду. В руках была маленькая палочка, я переживал, что это слабая защита от зверей. Вдруг сбоку дороги увидел какую-то городьбу. Подошел, нащупал впотьмах колышек. Обрадовался, ухватился, пошатал, чувствую: крепкий — как раз будет в меру. Стал дергать, а мне как бы голос: "На кол надеешься? На самозащиту? На Господа не надеешься?" Я тут же бросил это занятие и стал молиться: "Господи, прости, что не доверяю Тебе..." И с маленькой палочкой пошел дальше, Господь провел меня мимо всех опасностей. Я уверен, что на ночной дороге меня видели звери, но Господь взял меня всецело под Свою охрану, и я шел с Ним спокойно. Даже с дороги заходил в лес, чтобы немножко отдохнуть. Наконец пришел в незнакомое азербайджанское село. Осторожно постучал в калитку первого же двора. Вышел хозяин, пригласил в дом, предложил помыть руки и сесть с ними за стол. Я был голоден и обрадовался приглашению. За обедом хозяин поинтересовался моей специальностью. Узнав, что я "на все руки мастер", предложил внутреннюю отделку только что выстроенного дома.

Признается, стольную работу я никогда не делал, но подумал: Господь привел меня сюда, значит, Он поможет. И Господь помог.

Здесь я был спокоен — никто из моих знакомых не мог сюда попасть. Наконец работа была закончена, и хозяева расплатились со мной. О сумме мы не договаривались, но они мне дали такую цену, о которой я даже не помышлял. "Доволен ли?" — спросили. "Благодарю! Даже лишков!" — ответил я с радостью.

Оставив хлебосольных хозяев, пошел дальше. В дороге пришли мысли: сейчас над моим домом, возможно, надзора нет. Как бы мне пройти и передать семье заботок?

Господь благословил путь, и, наконец, после томительных трехлетних скитаний, я тайно ночью вернулся к своему дому. По условленному заранее сигналу, на стук камня о доски балкона, во двор вышла жена. С великой радостью мы встретились и возблагодарили Господа.

Целый год был надзор за домом, а теперь никто не тревожил, — успокоились. Знать, вычеркнули меня из своих "нумералов".

Но как быть? Входить ли в дом? Может соседка внезапно войти, да и детям показываться нельзя... Жить в своем доме стало тяжело. Я прятался на чердаке, жена приносила пищу. Трудно приходилось терпеть такое заточение: ни кашлянуть, ни двинуться.

ГИБЕЛЬ ТИМОФЕЯ

Мой брат Тимофей был рад увидеть меня после столь долгой разлуки. С большим интересом слушал рассказ о моих скитаниях за это долгое томительное время.

"Пойдем опять на работу, — предложил он, — сейчас уборка хлебов, народ нигде не ходит праздно". Я согласился, мы отправились в один колхоз, там меня никто не знал. Дружно взялись за дело и закончили порученную работу в короткий срок. Получив хороший расчет, закупили для дома необходимой посуды, мануфактуры и наутро отправились в обратный путь. В одном месте нам нужно было проходить горами и перевалами. Днем в села заходить опасались. Поскольку домой яв-

ляться нужно было только в ночное время, в конце пути мы немножко медлили, задерживались, часто отдыхали.

Вошли в горы, где рос лишь кустарник, леса не было. Тимофей, прихрамывая, шел впереди: пораненная топором нога еще не зажила. На левой руке у нас поплотнички висел топор, за плечами — мешок. Подошли к зеленому бугорку. С одной стороны крутой, как стена, скат, а с другой — обрывистый яр. Сзади извилистой змейкой терялась среди каменных осыпей дорога под гору. Мне захотелось в этом уютном месте немножко отдохнуть. Сняв тяжелый мешок, я расстелил пиджак на пригретом солнцем зеленом бугорке и прилег. Тимофей вернулся ко мне. "Давай немножко здесь отдохнем", — говорю ему. "Нет, пойдем, — настаивал Тимофей. — Впереди кочевки, там у меня есть знакомый. Там пердохнем, закусим и пойдем дальше".

Тимофей пошел не спеша. Метров шестьдесят отошел. Я решил подняться и догнать его. Только поднял голову с мешка, вижу: снизу по дороге бежит запыхавшийся человек. Одной рукой утирает пот, другой держит винтовку. Подбежал ко мне. Увидев, что я один, злобно ругнул: "Верни товарища своего!" И тут же бросился догонять брата, который, не подозревая опасности, шел не оборачиваясь.

Меня будто кто поднял подмышки: беги! Я вскочил, вижу Тимофей оглянулся, увидел бегущего разбойника с винтовкой в руках...

Спрыгнув с дороги под небольшой обрыв, я перебежал маленькую долинку и быстро скрылся за каменистым мыском. Только теперь я опомнился и стал размышлять: мешок мой с вещами брошен, брат остался в руках разбойника... Господи! Как это так получилось, что я сбежал? Может, мне вернуться? Но чем я могу помочь? Господи, я же не сам ушел. Ты спас меня... "Нет! Нет! — властно говорил мне будто кто-то, — нельзя! Продолжай свой путь, только не по дороге, а вдоль, по кустам".

Пробежав мимо кочевков, о которых говорил Тимофей, я вышел на развилку дорог: одна из них вела в наше село. Не мо-

гу идти: где же мой брат? Господи, где же теперь брат мой? Выстрела я не слышал, может, он спасся?

Наступила ночь, я жду брата. Часа четыре ждал — ни слуху, ни духу... Чтобы не опоздать к дому, а дорога еще далека, я медленно пошел — может, догонит.

К дому подошел ближе к рассвету. Жена встретила по условному сигналу. Сообщил тревожную весть: на нас напали разбойники, брат остался в горах.

Утром рассказал моим братьям Василию и Осипу, где встретились с разбойником. Они хорошо знали это место и отправились туда. Мертвый Тимофей лежал у самой дороги: одежда и обувь сняты, в одном нижнем белье, с простреленной спиной. Сообщили в село Бердерю, где на нефтеперекачечной станции находилась милицейский пост. Оттуда позвонили в район. Сразу же на место происшествия на машине выехал угрозыск. Взяли с собой братьев Василия и Осипа. Обследовав вокруг всю местность, положили убитого на машину и вернулись в район. Начались допросы.

Я чувствовал, в каком затруднении оказались мои братья, и сказал жене: "Сегодня откроюсь, пусть что хотят делают со мной". Мы стали молиться, чтобы Господь расположил сердце братьев сказать обо мне, как действительно все было.

Братья признались, и их вместе с покойным привезли в село. Все село кинулось смотреть: "Привезли убитого человека!" Вся улица забита людьми. Смотрят: я иду. Откуда взялся? Давно уже не считали живым.

СУД

Взглянув на мертвого брата, я поспешил явиться в сельсовет.

Следовательно угрозыска я рассказал все, как было. На следственном дворе я находился трое суток. После этого мне заявили: "Ты убил, все дела говорят об этом". — "В крови своего брата я не виновен, вы ошибаетесь", — ответил я, а сам думаю: с их стороны только подозрения, а фактов нет. В молитве обращаюсь к Гос-

поду: "Ты знаешь, что я в этом не повинен. Никто не знает, а только Ты. Открой им правду, как есть".

Отвели в тюрьму — грязную, вшивую. Утром, когда заключенных выводили во двор, я снимал рубашку и вытряхивал вшей — выбрать их было невозможно.

В камере было человек сорок, все знали о моей "вине". Люди верили лжи и удивлялись моему злему поступку. Пытался объяснить, — никто не верил.

Окончилось следствие. Назавтра — суд. Будут судить как убийцу. Жена плачет, братья скорбят.

Предварительно опросили население: "В их родстве есть убийца?" Все отвечают: "Нет!" Последствия суда известны: или расстрел, или большой срок. Я молось: "Господи, Ты знаешь, что я чист от крови брата..."

В эту же ночь вдруг открывается дверь камеры. Заключенные вскочили: что такое? в чем дело? Ночью камеры не открывают. Надзиратель объявляет: "Серебрянников, забирай постель, вещи и выходи во двор". Все крикнули в один голос: "Домой пошел! Серебрянников идет домой!"

А я про себя мыслю: домой-ли? может, в степь...

Иду за надзирателем. За углом он остановился:

- Давай магарыч.
- Какой магарыч? За что?
- Домой идешь!
- Как домой? Мне завтра суд.
- Нашли убийц — пять человек!

Привели к начальнику. Там — жена и брат. Хозяйка моя плачет, а жена начальника угольносыска успокаивает.

— Ну, как в тюрьме? — спросил начальник.

— Кому как. Одни играют, другие печалются, третьи плачут...

— Ты пойдешь домой. Разбойники пойманы. Они признались, что убили твоего брата.

Следователь взял подписку, что в дни следствия и суда над убийцами я из дома никуда не буду отлучаться и отпустил.

Начался суд. Я приехал. Народу было

столько, что ни в один дом не вместить. Судил Верховный суд г. Баку три дня. Я узнал круглолицего, невысокого роста человека, который с винтовкой пробежал мимо меня. Мне было безразлично: кто он и что он, ведь брата уже нет в живых. Встает прокурор:

- Брат покойного здесь?
- Здесь.
- Где вы с ним были?
- В колхозах работали по договорам.
- В колхозах, говоришь, работали?

А ты кто?

- Колхозник.
- Нет, ты кто в церкви?
- Я верующий человек.
- Знаю, верующий. Кем числишься в церкви?
- Служителем.
- А у тебя Библия есть?
- Есть.
- Почему не сдал?
- С меня не требовали (а сам думаю: если бы и требовали, все равно не сдал бы).
- Садись.

Во время перерыва на улице окружили меня азербайджанские женщины. Плачут: "Зачем ты признался, что верующий и что Библия у тебя есть, что ты служитель церкви? Один брат пропал, вот и тебе, может, то же". — "Нет, нет! — говорю, — будьте спокойны: надо мной есть мой Господь, Он не допустит". А они плачут...

На суде стало известно, как поймали убийц. По дороге из района в село шли с базара люди. Разбойники ограбили их. Когда ограбленные отошли немного, один парнишка сказал: "А я знаю одного, это наш кунак (знакомый) из аула". Об этом сообщили в район. Оттуда на машине сразу же выехал угрозыск. Взяли с собой парнишку и — в то село. Окружили дом и схватили того человека. Через него узнали, где второй, и того арестовали. Так взяли всех. В их домах оказались и наши мешки с вещами. Вещи нам не были возвращены. Круглолицый, застреливший Тимофея, был приговорен к расстрелу, остальным дали по 10 лет.

С этих пор я стал жить дома открыто.

НА ФРОНТЕ

Шел 1941 год. Летом меня призвали для работы в тылу по обеспечению фронта питанием. Мы двигались за фронтом все дальше и дальше. Наконец, нас отправили в город Махачкалу и разместили на самом конце полуострова, где были рыбные промыслы, 120 километров от материка. Хлеба не было совершенно. Все кричат: "Хотим хлеба!" Нас выстроили в ряды, спрашивают:

- Кто тут пекарь?
- Я! Я! Я! — закричали многие. И я тоже крикнул: "Я пекарь!"
- Много пекарей, вся часть — пекари! — смеются офицеры.

Построили и повели к директору. Переписали всех "пекарей" и стали вызывать по одному:

- Пекарь?
- Да, пекарь.
- Из какой муки пек? На каких печах? Сколько припеку давал?

На эти вопросы кто что отвечал. Меня тоже спросили:

- Работал пекарем в сухопутной военной части или на море?
- На воле, — отвечаю им (хотя только дома помогал своей хозяйке месить в квашне тесто, знал, как замесить).
- Из какой муки пек? Какой припек давал? — Даже и не помню сейчас, что отвечал.

Я был высок ростом, молодой, заметный.

В конце опроса старшина вызвал по списку меня первого, потом еще четверых, остальных отправили в часть. Нас привели в пекарню, где работали гражданские пекари и сказали: "Вот, военные пекари, старший — Серебрянников". В течение трех суток нас испытывали.

Мне выдали майку, пекарскую шапочку. Мы сразу же приступили к замесу. Русский пекарь почему-то сразу полюбил меня. В длинное корыто высыпали 5 мешков муки, налили воды. Одна женщина стала медленно погружать муку в воду, а мы — руками месить. Один

с одной стороны корыта, а я с другой. Я вижу, что к его рукам тесто не липнет, а я весь застрял в тесте и думаю: он, конечно, понял, что я не пекарь. Немного погодя решил открыться:

- Знаешь что? Может, ты и вправду думаешь, что я пекарь? Абсолютно не пекарь и пекарем никогда не работал.
 - А ты желаешь быть пекарем?
 - От всего сердца!
 - Ну, ты будешь настоящим пекарем!
- Мне сразу стало легче на сердце. Теперь я стал разбалтывать муку, а они мели. Работают — играют.

Вскоре моего учителя-пекаря забрали в часть и отправили на передовую. Со мной остались его помощник — казанский татарин и три молодые женщины. Я внимательно наблюдал, как заправляют тесто, как ставят, в какие часы. Старался понять и запомнить эту работу: хлебы разваливали на пятикилограммовые буханки. Две печи, в каждую входит по 106 штук. Печку нужно засадить буханками за 5 минут и закрыть. В руках опытного пекаря хлебы буквально летели в печь. Я не успевал даже готовое вываливать на лопату. Господь помог мне все понять и быстро освоить.

Здесь мы стояли месяца четыре. Когда снялись, всех отправили на фронт. Меня оставили при начальстве, поваром. Мы все время двигались за фронтом и прошли уже за Великие Луки. Стало слышно, как мины летят, рвутся, ухают снаряды. Меня направили в инвалидный батальон, в трофейную роту как специалиста-жестянщика, машины ремонтировать и другую технику. Работал без отказа. Начальник части, бывало, идет мимо и шутит: "Инструктор! Пусть Серебрянников больше сидит, меньше делает..."

Потом всех инвалидов отправили на фронт. Припадочный, кривой, хромой — все на передовую! Вот и я там. На передовой опять пекарь потребовался. Меня направили в армейскую походную хлебопекарню: три печки, топили дровами.

Война шла к концу. Находясь в части, я в воскресные дни имел возмож-

ность посещать молитвенное собрание. Соберу свой инструмент, спрячу и иду в город, ищу собрание. По дороге начальство меня иногда встречало, но никто не спрашивал куда иду. В собраниях всегда садился к певчим, пел вместе с ними. Уходя с собрания, спрашивал: "По улице, где я иду в часть, есть верующие, которые в собрание не ходят?" — "Есть". Беру их адреса, захожу.

— Верующий? — Мнется, стесняется признаться.

— Ты в собрание ходишь?

— Нет.

— А почему? Ты давал обет Господу служить доброй совестью? Тебя никто не принуждал? Ты сам из любви дал обет исполнять волю Божию? А теперь почему в собрание не ходишь? Что за пример?!

— Виноват...

— А теперь будешь ходить?

— Буду.

Так иду к другому, к третьему, а потом — в часть. Майор знал, что у меня Евангелие есть и что я хожу в собрание, но никогда об этом не спрашивал. Когда бывала комиссия, он посылал меня куда-нибудь в командировку. Я знаю, что это Господь заболел обо мне.

Закончилась война, и я вернулся в свое село, где снова продолжал служение в церкви.

ГИБЕЛЬНЫЕ ИНСТРУКЦИИ

В 1960 году ВСЕХБ выпустило "Новое положение". Недруги стали предъявлять новые требования к евангельским церквям, будто бы для улучшения дела. Позднее вышли инструкции, так же направленные на подрыв дела Божьего.

Пресвитером Ивановской церкви у нас в то время был мой двоюродный брат — Феофилов Алексей Григорьевич. Он однажды предложил такое: "Мы с тобой, Петр Александрович, должны дружить. И тогда куда надо, туда и повернем церковь". Я понял, что он предлагает что-то недоброе, стал не доверять ему, как неверному служителю. С тех пор между нами пошло разногласие. Алексей

Григорьевич просил церковь повлиять на меня и помирить нас, будто я ссорюсь с ним. Церковь — в недоумении. Я объяснил, что мы друг другу лично не сделали ничего худого. Он хочет, чтобы я его слушал во всем и чтобы мы вместе могли увлечь церковь в сторону.

Ивановская церковь заболела духовно от этих "разногласий". Я объяснил народу Божьему, что неверные в служении, уводящие церковь с истинного пути, достойны отлучения, потому что погубят церковь. Они вредили церкви и погубили бы ее. Церковь приняла во внимание мой совет, и все, кто уклонялся от верного пути, были отлучены.

Вскоре после отлучения у нас отняли молитвенный дом.

Стали собираться в другом месте. Сразу же приехала милиция. Угрожали, требовали: "Почему тут собираетесь? Собрание ваше вон где, а вы почему тут? (В прежнем доме собирались отлученные.) Мы отказались идти к отступникам. Нам стали преследовать. Всячески грозили, всех переписывали, фотографировали. Думали, что мы от страха разбежимся, спрячемся или пойдем к ним. Но, слава Богу, Он дал силы, бодрости и смелости. Мы продолжали наши собрания.

В 1962 году я был рукоположен на пресвитера (до этого времени пресвитерские обязанности исполнял без рукоположения). Несколько раз меня забирала с собрания и увозила в район, где фотографировали, угрожали и предупреждали. Вся церковь ездила со мной в район, и меня отпускали. Наше свободное богослужение не переставало преследовать.

ВТОРОЙ СРОК

23 ноября 1968 года меня одного увезли в район, там взяли под арест. Обвиняли в проведении незаконных богослужений, в том, что не собираемся вместе с зарегистрированными и отлученными.

24 декабря 1968 года был суд. По статьям 142-1 ч. 1, 188-1, 38 УК Аз. ССР

я был приговорен к 3 г. лишения свободы.

Отбывать наказание меня отправили в город Баку. Здесь заключенные плели какие-то веревочные "зембеля" и делали картонные коробки.

В нашей зоне была кипяtilьня (чайхана). Внутри здания стояли два титана. От них во двор были выведены краны. Меня и поставили кипяtilьщиком воды. До этого внутри здания была сплошная грязь, все было забито тараканами. Хлеб никуда нельзя положить... Я не мог ни к чему притронуться без отвращения. Приступил к работе, я прежде всего решил навести полный порядок. Сначала всех тараканов кипятком выварил. Даже оторвал подоконники и там все кипятком ошпарил. Попросил начальника лагеря, чтобы помещение внутри оштукатурили, побелили. Начальник, видя мое усердие, охотно предоставил мне рабочих, приказав: "Выполните все, что скажет Серебренников". Когда все было сделано, начальство осталось очень довольное.

Ко мне как-то относились снисходительно. На рабочем месте я пел духовные песни, играл на мандолинке. У меня было Евангелие. Я читал и молился. Лагерная контора находилась во дворе зоны, недалеко от чайханы; когда работники конторы проходили мимо, они видели и слышали мою молитву, знали мою духовную жизнь, но ни в чем не мешали и не трогали. Здесь я и отбыл весь срок. 23 ноября 1971 года я вышел из уз.

Возвратившись, я нашел церковь живой, все с радостью ожидали меня. У нас было тогда 50 членов, да еще молодежь, дети. Гонители заметили наше оживление и стали наведываться, снова стали угрожать и препятствовать. Однажды нас посетили 18 человек из исполкома: парторг, медицинские работники, милиция, дружинники. Пришли в собрание с угрозами:

— Долго будете продолжать свое дело?

— Пока Господь придет, так написано! — отвечаю.

Оставили акт.

— Подписывать не будем! — единодушно заявили мы.

ТРЕТИЙ СРОК

Вскоре собрали материал, арестовали шестерых: меня, моего брата, Ивана Александровича, двух проповедников — Минникова Василия Матвеевича и Казакова Василия Михайловича, а также двух сестер — Леонтьеву Марию Степановну и Ермолову Анастасию Павловну.

5 сентября 1972 года нас осудили по ст. 142 ч.2. Мне дали 3 года лишения свободы строгого режима. Братьям: Минникову и Казакову по 2 года и отправили в разные лагеря.

Меня привезли в Баку в лагерь "Гюльдар". После тщательного обыска спросили: За какое преступление ты попал сюда?

— Как верующий, служитель церкви, за проповедь Слова Божьего.

— Ты уже за это был судим и продолжаешь? Мы строго-настроено запрещаем тебе проповедовать в стенах нашего лагеря. Никому ни о чем не говори и никакие молитвы не совершай. И не пиши духовные письма. Пиши простые: жив, нуждаюсь в том-то и в том-то, а о Боге ни слова.

— Я с таким делом не согласен, — ответил, — во-первых, как верующий человек без молитвы в лагере хлеб кушать я не буду, и это вы мне не запретите. Во-вторых, письма писать верующей семье, конечно, буду и буду писать со Словом Божьим, возбуждать у них бодрость, чтобы продолжали молиться и совершать служение Господу.

Меня послали в 6-ю рабочую бригаду. Здесь я убирал и раздавал пищу. В другое время исполнял и прочую работу.

Через некоторое время в лагерь привезли из Баку брата Арсения Тимофеевича Агаркова. Он узнал, что я здесь, и разыскал меня. Какая это была радостная встреча! Мы часто открыто пели в лагере, вместе молились. Начальство вскоре установило за нами слежку. Мы продолжали в выходные дни молиться, открыто свидетельствовать и петь христианские гимны. Многие умилялись и говорили: "Счастливые вы люди! Только береги-

тес, чтобы вас не сбили с пути. Мы очень завидуем вашей жизни". У нас появились даже приближенные.

С братом в лагере мы совершали Верчерю Господню.

Однажды заключенным приказали вынести свои вещи и продукты из жилой секции в каптерку. Это было грязное помещение без полок и других необходимых удобств. Заключенные заявили: "Если Серебренников будет там каптерщиком, то вынесем, а если кто другой, не вынесем". Все знали, что в каптерке с этого времени будет полный порядок и чистота.

В зоне выстроили большое здание размером 70х30 метров. Потребовался кровельщик, мне предложили эту работу. Начальство мало-помалу располагалось к верующим. Во время осмотра кровельной работы начальник заботливо предупредил: "Смотри, чтобы не упал с высоты..." — "Надо мной есть охрана свыше. Господь поддержит меня, так что, Надеюсь, не упаду!" — ответил я.

Не успел этой работы окончить, как приехали в лагерь из Баку: член ЦК и прокурор-азербайджанец. Вызвали меня, говорят:

— Ты столько лет в лагерях отбыл, большие трудности переживал, с таким нехорошим народом находился. Нам как-то даже неприятно, что ты до Сих пор в заключении. Сейчас у тебя жена больная. Мы тебя освободим, пойдешь домой. Только хотим предостеречь: береги себя, больше в собрание не ходи. Живи дома со своей хозяйкой, всем потребным вас сполна улагодворят. Вы заживете хорошо и последние годы своей старческой жизни спокойно проживете вместе.

— Я служитель церкви. Как же вы дадите мне такие предложения? Выйдя отсюда, я должен пойти прямо в собрание, на свое место и продолжать служение. И если придется, на случай, пойти и на улице с кем встретиться, я должен все сказать о своей жизни, о Боге.

12 ноября 1974 года я был освобожден из уз по ст. 50 УК Аз. ССР Условно-досрочно на 9 месяцев и 23 дня раньше срока.

И СНОВА — ЗА ДЕЛО БОЖЬЕ!

Придя домой на этот раз, я увидел, что братья, освободившиеся раньше меня и тоже раньше срока, возвратились со страхом и в собрание не ходят. Видимо, их предупредили, они опасаются, а может, в лагере уговорили, как и меня уговаривали. Они дали церкви повод совсем прекратить собрания. Только три семьи не взирали на действия Минникова и Казакова и продолжали собираться. С немалым трудом, не сразу, восстановилось в церкви прежнее служение Богу. Малодушные братья остались в стороне и уклонились совсем.

По возвращении из заключения у меня с председателем колхоза произошел такой разговор:

— Вернулся?

— Да, вернулся.

— Ну, помни: того дела не продолжай, оставь все, иначе или ты будешь убран отсюда, или я, кто-то один останется.

— Это дело было и будет продолжаться, потому что оно Божье!

К этому времени наша церковь уже бодрствовала, в собраниях была молодежь, появились приближенные. Меня снова забрала милиция. Посадили в отдельную камеру, стали угрожать, требовали оставить дело служения. Я отказался в этом повинаться. Меня отпустили и стали фабриковать дело.

ЧЕТВЕРТЫЙ СРОК

11 июля меня снова арестовали и приготовили к суду. Единоверцы Ивановской церкви обратились в правительство с ходатайством. Указывали, что я без вины арестован, дома осталась прикованная к постели жена; что под следствием находятся мой брат, сестры по вере: А. П. Ермолова, у которой семеро детей оставлены без средств к существованию, М. С. Леонтьева вдова. Верующую А. В. Фелелову и ее детей лишили работы. Председатель колхоза Никитин клеветал на собрании жителей села якобы сестра задушила мужа, умершего три года назад, и что в доме у нее во время обыска

найдено "холодное оружие" (два обыкновенных кухонных ножа). У верующих отключили электроэнергию, воду. По указанию Никитина требуют, чтобы верующие расписались в бланке, что получили посылки, а самих посылок не отдают. Все эти преследования обрушились на общину только за то, что мы поддерживали гонимое братство и избранный духовный центр — Совет церквей.

Перед судом вызвал прокурор и сказал: "Ты будешь освобожден. Дело закрыто и пойдешь домой".

Когда услышал об этом председатель нашего сельсовета, Никитин Николай Васильевич, быстро собрал атеистов, направил ко мне в район, в КПЗ. Они вошли в камеру, где я сидел:

— Так что? Продолжаешь свое дело?

— Это дело, конечно, оставить я не могу. Это не мое дело, это дело Божье. Оно было, есть и будет! Так что этого я не оставлю.

Тут же они собрали в райисполкоме собрание и стали, во-первых, обвинять прокурора за "слабинку", постановили дать мне твердую судимость и отправить в Россию, в строгий, "полосатый" лагерь, обязательно к рецидивистам. Все это они безотлагательно решили.

21 июля 1976 года меня осудили по ст. 142-1 ч. 1 УК Аз. ССР к 5 годам строгого режима и направили на пересыльный пункт. Приготовили к отправке.

Я смог увидеть приехавших проводить меня в узы: семью, некоторых братьев. Они подняли плач, сожалея и сострадая о моей судимости, но я из "черного ворона" только увещевал их:

— Будьте спокойны! Не волнуйтесь! Бодрствуйте! А я предал себя Господу. Господь не оставит меня. Я в Его руках! Он поможет мне во всем, я верю, а вы будьте спокойны...

Нас отправили на "черном вороне" в г. Кировобад. Оттуда через полмесяца всех осужденных стали вызывать и подвозить к поезду для отправки. Всех отправили, а меня опять-таки задержали здесь, в Бакинском лагере "Биук-шор". В Россию я так и не попал.

УМНОЖАЮТСЯ СКОРБИ — УМНОЖАЕТСЯ И УТЕШЕНИЕ

В лагере я, конечно, стал сразу же извещен всему начальству, хотя меня предупредили, чтобы не совершал молитв, ни с кем ни о чем не говорил, домой не писал духовных писем.

"Кушать без молитвы я не могу. Ложусь спать — молюсь, встаю — молюсь. Всегда с молитвами к Господу обращаюсь. Ваше дело предварить, а мое дело — продолжать все, что я получил от Господа", — ответил я им.

Меня направили в барак, где было человек сто инвалидов. Никто из нас не ходил ни на какую работу. Все были свободны и по территории зоны могли прогуливаться.

Ко мне в узы со многих мест друзья присылали письма. Смотрю, однажды, старшина несет письма. Все кинулись на встречу. "О, если бы мне было письмо!" — пожелал я. Старшина взял пачку писем, стал вызывать:

— Серебренников!

— Я! — отозвался, сам не веря от радости.

— Серебренников! — подает второе письмо, потом третье, четвертое, пятое!.. Итак все письма старшина передал мне. А их было 37 штук! Все с нетерпением ожидали, что назовут их фамилию, ужаснулись и огорченно стали спрашивать:

— А нам? А нам?

— А вам пишут! — спокойно сказал старшина и вышел.

Переполненный ликованием, я скорее стал читать, чтобы узнать, о чем же пишут друзья в своих приветях и поздравлениях перед праздником Пасхи.

Перечитав их, я много утешился и тут же стал передавать письма заключенным, знакомить их с пасхальными приветствиями моих друзей. Все письма, за исключением пяти-шести, были с обратными адресами. Местное начальство, лагерное правление, цензор, возможно, проверили их и передали мне, получив немалое свидетельство для себя. Они отметили, что письма без обратного адреса "незаконные", но не задержали: пусть Серебренников читает...

После начальник спросил:

— Серебренников, как это у тебя столько братьев? Разве столько бывает?

— Это еще не все, это только часть!

— Как же это так?

— Это духовные братья. Это мои братья по вере! — отвечаю ему.

— Ах, вон что!..

Я, конечно, очень вдохновился вниманием друзей, был возбужден радостью и еще больше стал напоминать грешникам о спасительной благодати Божьей. Я говорил смело всем заключенным и начальникам:

— Покайтесь! Познайте, веруйте, потому что Господь — Судья строгий! Вы что, думаете, умирать не будете? — Умрете! Вы думаете, что не воскреснете? — Воскреснете! Вы, может, думаете, что на суд не попадете? — Все попадете на суд Божий! Так вот, сегодня позабьетесь, сегодня примиритесь с Господом, пока еще не поздно...

Таким образом, в лагере не осталось ни одного человека ни из начальства, ни из заключенных, которым бы я не сказал о Боге.

Я — НЕ ПРЕСТУПНИК

В один воскресный день я вышел во двор лагеря и стал прохаживаться с мысленной молитвой: "Господи, я уже всем здесь засвидетельствовал — и простым, и начальству. Зачем теперь я здесь нахожусь?.."

В этот же день получил ответ: смотрю, идет человек из конторы, несет бумагу и зовет:

— Серебренников, а ну-ка! Вот тебе бумажка, пожалуйста, подпиши вот здесь...

Смотрю, на бумаге написано: "ПОМИЛОВАНИЕ". Помилровка, значит, пришла; я возвращаю ее и говорю:

— Где ты ее взял, кто тебе дал, неси ее обратно и передай тому человеку. Я — не преступник! Так и скажи ему, что я — не преступник. Помилование дается только преступникам. А я за собой ничего не чувствую, поэтому ее и не подписываю.

Смотрю, другой человек несет эту же

бумажку мне на подпись. И его так же возвратил. За ним идут четверо из конвоя и говорят:

— Серебренников, ты что думаешь? Помни, мы за тебя не отвечаем, если случится что с тобой. Есть приказ: в такие часы ты должен выйти из стен лагеря, а ты еще здесь сидишь, из барака не выходишь! Мы тебя возьмем вот за руки за ноги и выбросим за ограду. Собирай постель свою и уходи!

— Подписывать такую бумагу ни за что не буду! — отвечаю им.

Тут все инвалиды закричали разом, схватили мою постель, вещи и понесли на склад. Взял я в руки свою палочку и пошел вслед за ними. Моя постель уже сдана. Зашел в кабинет к начальнику. Капитан подкладывает мне опять ту бумажку и говорит:

— Ну, Серебренников, ты должен все же подписать. Нельзя же не слушать. Что это преступное дело что ли?

— Нет, я на себя преступление не буду натягивать. Если я подпишу, я — преступник. А я не преступник и братья на себя вину не буду. Так что подписывать бумагу не стану.

Он немного подумал и отправился к начальнику лагеря. Вскоре приходит сам начальник.

— Что же это, Серебренников? Что же вы не хотите подписывать? Хотя меня уважьте. Ради меня подпишите.

— Это не для вас подпись. Она нужна для высшего начальства, а не вам. Дело в том, что я чист от всего, так что подписывать не буду.

Начальник повел плечами и пошел. Капитан тут же подскочил к нему:

— А что теперь делать?

— Составьте комиссию, человека три, сами подпишите. Напишите объяснение, что от подписи отказался, а его отпустите.

Таким образом 6 июня 1977 года я был выведен из лагеря без всякой подписи на их документ.

При освобождении выдали справку, что я помилован, а неотбытый срок заменен условным, с испытательным сроком — три года.

НА СВОБОДЕ

Пришел домой, стал на учет. Выходя из сельсовета, мне что-то расползлось зайти в кабинет к своему гонителю, навещать председателя Никитина.

Он посмотрел на меня растерянно.

— Здравствуйте, Николай Васильевич! — говорю ему, я уже вышел. Вот зашел проведать вас. Так что, слава Богу, жив-здоров. Вы все на своем месте сидите? Дай Бог вам всего хорошего, продолжайте свою работу. Хочу также всего хорошего и вашим домашним пожелать. Привет передайте им от меня. До свидания.

Мое возвращение все соседи и родственники встретили с радостью. Всех их затруднял уход за больной моей хозяйкой. А коль уж я пришел, они сказали: "Ну, теперь уж, видно, тебе самому придется ухаживать за ней"

С этого дня я приступил к домашним делам. Хозяйка сразу повеселела. Я приложил все старание, заботясь о ней, но не оставлял и дело служения.

ИСТИННЫЙ ПОДВИГ

Церковь рада была моему возвращению, ободрилась, стала более оживленной в служении, молитвах, пении. С тех пор по сей день, благодарю Господа, я с церковью и продолжаю свое служение.

Помощница моя одиннадцать месяцев жила по моему возвращении. 3 апреля 1978 года Анастасия Михайловна отошла в вечность.

Заканчивая свои воспоминания, хочу сказать: вот так вел меня Господь. Иногда путь мой проходил как бы долиной смертной тени. Но Господь сопутствовал мне с первых дней нашей семейной жизни и до сих пор ведет и спасает. Везде и во всем я притерялся к Господу, и Он всегда был путеводителем моим. И сегодня я радуюсь и благодарю Господа, что до сего места я дошел и в старческой жизни своей продолжаю служение в церкви.

Сегодня я хочу сказать всем: полагайтесь на Господа! Крепитесь Господом! Всегда предавайте свой путь Господу,

и Он выведет всех любящих чад Своих из горя и тревог, и только Он один!

Противники все еще действуют, многих уже нет, а мы живы. Поэтому, братья и сестры, будем любить Господа. Будем проводить нашу жизнь всегда в служении Господу, доколе Он придет. Он же сказал: "Се, Я с вами во все дни до скончания века..." Он смотрит сегодня на подвиг всех нас. Господу угодно, чтобы у всех нас в служении был подвиг истинный, действительный, живой, сильный, чтобы мы были среди этого мира поистине письмом Господним или "городом, стоящим на вершине горы". Чтобы мы в наших городах и селах были видны миру, как ученики Христа.

А теперь что еще я могу сказать вам, дорогое наше братство: будем благодарны все мы, что Господь вывел нас. Откуда? Из того места, о котором Апостол Павел сказал: "После моего отшествия войдут к вам лютые волки. И из вас самих восстанут притворные люди, которые увлекут церковь за собою..." И они вошли и увлекли. А мы будем благодарны, что Господь нас вывел из ВСЕХБ. И теперь Он повел нас всех этой как бы "долиной плача", чтобы испытать и приготовить к встрече с Ним. Не будем чуждаться этой трудной доли и скорбеть, потому что Господь Сам прошел впереди нас этим путем и оставил нам пример, чтобы мы шли по следам Его! Будем помнить Его! Будем всем этим дорожить, смиряться во всем и продолжать свой путь, доколе придет Господь.

Дорогие друзья, братья и сестры! Много есть рассказать, но по старческому моему состоянию, по слабости моего голоса, мне уже затруднительно продолжать свои повествования.— им нет конца. Апостол Павел рассказывал о своих переживаниях, где он был в опасностях между лжебратями, в опасностях от разбойников, и он показал только частичку пережитого, из которой всем нам очень понятен его путь.

Я тоже рассказал частичку, всего не в силах передать.

Хочу только сказать: будем, братья и сестры, продолжать порученное нам дело Господне. Аминь!

Молодые муж и жена — дети верующих родителей — в душе признавали Бога, но быть членами церкви не пожелали. Муж занимал высокий пост на государственной службе. Отрадой семьи был единственный сын. Прекрасно понимая развращенность окружающей среды, родители не видели другой возможности сохранить ребенка от тлетворного

влияния мира, как воспитывать его, опираясь на единственно верное учение Библии. Религиозное воспитание некогда убергло их от морального разложения, и они решили не скрывать от сына исторической важности Священного Писания в надежде, что он тоже воспримет лишь нравственные наставления Библии.

Однажды, вернувшись с работы, отец застал взволнованными жену и сына.

— В чем дело?

— Сейчас сын объяснит...

— Папа,— прижался к отцу мальчик,— Ангел записал мой плохой поступок...

— Куда записал?

— В книгу на небе. Мама сказала, что он все видит...

— Ты сознаешь, что сделал плохо?

— Да... — и заплакал.

— Тогда я тебе прощаю. И мама прощает. Успокойся.

Слезы еще не высохли, а мальчик заулыбался. Но через время, задумчивый, он опять пришел к отцу:

— Папа, ну а там же записано...

— Где, милый?

— На небе. Как там стереть?

Отец знал к чему приведут эти расспросы, и ему было невероятно тяжело.

Он хотел, что-

бы сын не заходил за ту грань, которую они с женой твердо решили никогда не переступать. Что ответить ему?

— Сынок, не плачь. Стереть можно,— почти шепотом сказал отец.

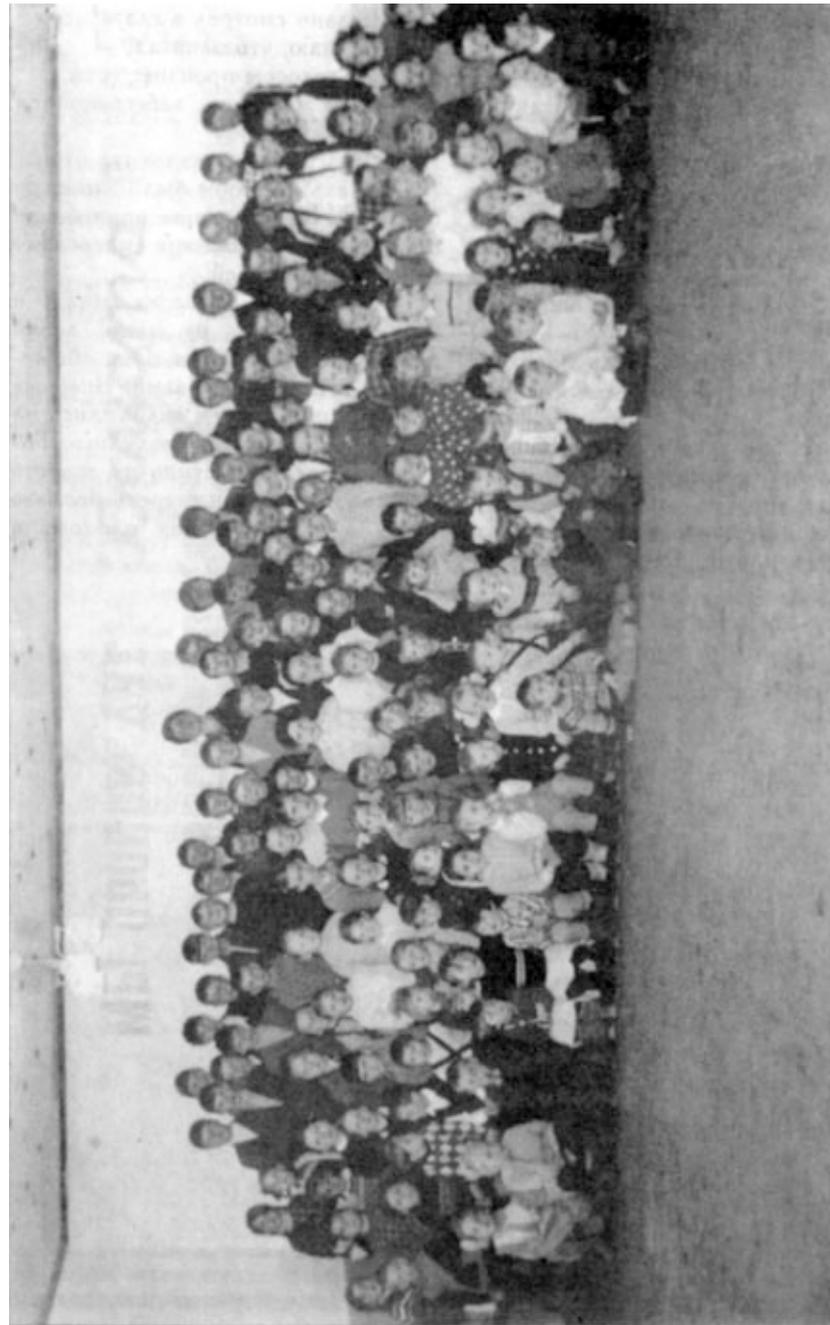
— Можно? Чем, папа?— вытирая слезы, громко спросил мальчик.

— В Библии написано, что Кровь Иисуса Христа очищает от всякого греха...

— Как очищает? У нее нужно попросить прощения? — не отступал сын.

Отец так разволновался, что готов был прервать этот тяжелый разговор. А в душе его звучали слова: «Сейчас или никогда ты укажешь любимому сыну на истинный путь к Богу. Сейчас или никогда...» Рядом стояла жена. Глаза ее были полны слез. Умоляющим взглядом она просила не говорить сыну лжи, не уводить дитя от Бога... И отец

СЕЙЧАС ИЛИ НИКОГДА

Богатое наследие церкви (г. Славгород Алтайского края).

прерывающимся от волнения голосом продолжил:

— Мальчик мой! Как ты просил прощения у мамы и у меня, так попроси у Бога...

Ребенок тут же опустился на колени и с удивительной искренностью молился: «Боже, прости меня за плохой поступок и скажи Ангелу, чтобы он стер то, что записал...» — и встал, а родители стояли с поникшей головой.

— Папа, Господь меня простил?

— Простил. Теперь все в порядке, сынок...

— Папа, а о тебе ничего плохого Ангел не записал? — вдруг спросил мальчик.

Этого отец никогда не ожидал. Это было сверх его сил. А сын воп-

росительно смотрел в глаза отца.

— Думаю, что записал,— дрогнувшим голосом произнес отец.

— И о маме? — забеспокоился мальчик.

— И о маме,— вздохнул отец.

— Нельзя, чтобы было записано плохое. Нужно скорее попросить прощения,— умоляюще смотрел ребенок на родителей.

Отец поднял глаза на сына, и в этот момент ему на плечи легли дрожащие руки жены. Она обожгла его горячими слезами. Впервые в жизни они вместе склонились на колени и от сердца молились Тому, Кто силен очистить их совесть от всякого греха и стереть все, что было записано о них плохого в книге жизни...

Прославляют Господа дети церкви г. Тимашевск Краснодарского края.

Стихи, стихи, стихи

ВСТРЕЧА С ИИСУСОМ

Шли года. На очи Симеона
Тень свою набросил жизни вечер.
О беспечных жителях Сиона
Он скорбел и ждал с Иисусом встречи.

Постоянно утешенья чаял,
О Котором Бог сказал в Завете.
Он хотел, пришедших в мир встречая,
Самого Желанного заметить.

И свершилось: перед ним — Младенец!
Над Иисусом Симеон склонился
И узнал, что Этот Поселенец
Из другого мира к нам явился.

На руках Марии — Тот Единый,
В Ком найдут спасение народы!..
Счастлив старец. Песней лебединой
Огласил он громко храма своды...

Чтобы жизнью полной жить могли мы
И красив был жизни нашей вечер,
Чтоб без страха встретить ночь могилы,—
Нам с Христом необходимы встречи.

Сколько встреч бывает в жизни разных,
Нежеланных и хороших много;
Есть же встреча — настоящий праздник,
Это встреча

человека с Богом.

Чего от жизни ждешь?
В твоих глазах усталость,
Давно покрылись инеем виски.
Ты понимаешь, что подкралась старость,
И коротаешь кое-как деньки.
Ты по инерции вперед идешь...

Чего от жизни ждешь?
Она дарит живое.
И если ты от жизни смерти ждешь,
Ты заблужденье принял роковое
И вместо жизни только смерть найдешь.
Ты в вечный ад уверенно идешь.

Чего от жизни ждешь?
Жди от нее живого!
Жив только Бог и тот, кто в Нем живет.
Пускай в тебя вселится Его Слово.
Оно в тебе и смерть переживет,
И ты счастливым в вечность перейдешь.

Чего от жизни ждешь?

◆ ◆ ◆

А жизнь — как рассказ короткий,
И годы, как свечи, тают...
От вечности нас отделяют
Лишь времени перегородки.

Нам в юности Свет великий
Путь высветил к вечной цели.
И в этом сиянье померкли
Земных преимуществ блики.

За жизни суровой будни,
За благодатные годы
И за усталость и отдых
Мы Господа славить будем.

◆ ◆ ◆

...Иду исполнить волю Твою, Боже.
Евр. 10, 9

Огнями звезд сиял в ночи
Путь Млечный,
Напутственный пропело небо гимн —
И совершилась праздничная встреча
Сынов земли с Посланцем неземным.
Христос пришел исполнить волю Божью,
Спасенья дверь была открыта Им.
Одних Он радовал, других тревожил,
Был на земле любим Он и гоним.
Христос нашел и нас на бездорожье,
Остался позади неверья ров,
И, как Ему, сопутствуют нам тоже
Любовь друзей и ненависть врагов.

МОСКВА

Отпечатано в типографии издательства «Христианин» СЦ ЕХБ.
Издано на пожертвования верующих. Распространяется безвозмездно.